

Олег Мельник

Книга Тьмы

Через Любовь по дороге в Утопию

Олег Мельник

Книга Тьмы

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Мельник О.

Книга Тьмы / О. Мельник — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Вы когда-нибудь спрашивали себя: "почему именно я?"... Что вы сделаете, когда необъяснимое постучится вдруг в вашу дверь?.. Главный герой - музыкант, открывший для себя силу мистической Тьмы. Возможность заглянуть за кулисы обыденной жизни открывают ему далекие перспективы, но оголяют перед могучим Врагом, и теперь герой ввергнут в пучину противостояния, фронт которого растянулся по границам целой Вселенной... В этой схватке нет понятия о Зле и Добре, Свете и Тьме, Правде и Лжи, Любви и Ненависти... На поле боя сходятся Жизнь - и отсутствие какой бы то ни было жизни. И если в начале определенных событий можно было выбрать одну из дорог в будущее, то впоследствии, оглянувшись назад, понимаешь - никакого выбора никогда не существовало.

Содержание

Предисловие	6
ЧАСТЬ I	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Книга Тьмы

Роман

Татьяне,

вдохновившей меня бросить стихи

Предисловие

У меня осталось немного времени, чтобы закончить рукопись. Его настолько мало, насколько может быть только у человека, распростертого между молотом и наковальней, и единственный выход из такого положения – это перевернуть Реальность. Когда-нибудь исчезнут те, кто сможет расшифровать эти уродливые письмена, именуемые русским языком в исполнении офисного редактора, настроенного на новоримский шрифт. Будет множество ложных трактовок и туманных смыслов. И единственный, кто поймет, что в действительности здесь написано, способен уничтожить то, что я пытаюсь создать. Такой вот парадокс.

Описываемые события охватывают пятилетний промежуток, но я постараюсь возродить в памяти все, что считаю нужным, в наиболее подробных красках. Повествование будет вестись от лица того человека, каким я был когда-то.

Я разбил рукопись на две части: в одной рассказывается о моей жизни в среде людей, в другой – среди Стражей. Первая часть несколько затянута, но я прошу вас набраться терпения, ее назначение – подготовить ваше сознание для понимания того, что будет происходить дальше и почему эта история закончится именно так.

Повествование начнется с плавного хода, будет наращивать обороты, переключать передачи, пока скорость не оборвет силу притяжение Земли и вашего мировосприятия. Это придумал не я. Таковой была моя жизнь

В тексте присутствуют небольшие философские, научные и псевдонаучные вставки, а так же полемики персонажей, предназначенные осветить позицию автора и людей, повлиявших на его выбор. Эти вставки на первый взгляд могут показаться не к месту, но впоследствии их назначение будет понятным. Следует так же отметить, что все мысли, изложенные в данной рукописи, нельзя принимать за истину. Как говорил Михаэль, область разума – не самый достоверный источник информации. Обрывочные сведения могут быть такими же ложными, как и цитаты, вырванные из контекста. А чтобы записать Истину, добавлю от себя, вам потребуется флешка размером с саму Вселенную.

К.Т.

ЧАСТЬ I

Глава 1

Вика позвонила в обед с просьбой зайти к ней, когда освобожусь. Вечером после работы я сразу направился к ее дому. Не сказать, что я скучал по Вике и рвался увидеть ее изо всех сил, хоть мы не виделись уже несколько дней: то я на репетиции или на работе, то Вика в институте подолгу засиживалась – готовила диплом. Если честно, я бы с большим удовольствием отправился домой и поужинал. Но тон ее голоса и редкая для нее немногословность породили тревогу. В конце концов, я считал Вику своей любимой, и если произошло что-то важное, мой долг – это быть рядом с ней.

– Проходи, – тихо произнесла она.

Пока я стягивал куртку и ботинки в прихожей, Вика, облокотившись о стену, разглядывала свои скрещенные руки. На меня она старалась не смотреть.

За приоткрытой дверью в зал было видно родителей Вики – они сидели на диване, в полутьме, поглощенные просмотром какого-то фильма с шумными спецэффектами, и не обращали внимания на движение в коридоре.

Поведение Вики настораживало. Вроде все было в порядке; родители, сама Вика – живы-здоровы. Училась она хорошо, так что волноваться насчет успешного окончания ее образования не приходилось. Может быть, у нее появились проблемы? Что у нее стряслось? Институт? Диплом? Поругалась с предками? Куда-то вляпалась? Беременна?.. Или?.. все-таки решилась? Вопросы разрывали голову, и я даже с нетерпением ждал того момента, когда все прояснится.

Мы вошли в ее комнату. Вика усадила меня на диван, сама села рядом, немного помолчала, собираясь с мыслями, и без прелюдии начала:

– Нам нужно серьезно поговорить...

– Что-то не так?

– Да. В общем... я думаю, нам надо расстаться, – выпалила она.

Любая другая новость удивила бы меня больше. Я с самого начала ожидал этих слов. Не хотел, но ожидал. Поэтому заранее нацепил на себя тонкую противоэмоциональную маску, сквозь которую не только не могли просочиться никакие ослабляющие чувства, но и слова Вики звучали как-то издалека.

Последние пару недель наши отношения стали носить какой-то приятельский, дружеский характер, но отнюдь не любовный. Близость перевернулась в дальность. Я не заметил, когда же переломился ход событий и надеялся, что все вернется в прежнее русло. В прежнее русло события так и не вернулись – оказывается, они скатились по наклонной и врезались в землю. Точка. Знакомый старенький диван, знакомый письменный стол с ноутбуком, цветы на обоях, платяной шкаф, белые занавески, Вика – теперь все это чужое, как будто из другого мира, откуда-то из воспоминаний.

– Есть какое-то серьезное основание? – спросил я.

– Да. Я люблю другого.

– Давно?

– Мы встречаемся почти месяц. Я хотела сказать об этом раньше, но не находила момента. Вернее, попросту не успела. Это было так... неожиданно. Просто какой-то ураган! Мы проводили вместе дни напролет, я совершенно про тебя забыла... Прости, неудобно признавать, что все это происходило за твоей спиной. Но ты и сам виноват – мог бы хоть изредка звонить...

– Значит, ты решила окончательно? – перебил я Вику. Кажется, большую часть ее слов я пропустил мимо ушей. О чем она там говорила? В кого-то влюбилась? Что-то было неудобно признавать? Да ради бога! Я устал и мне неинтересны твои переживания. Избавь меня, пожалуйста, от своих интрижек. Давай уже закончим с этим.

А ведь неделю назад у нас был секс. Получается: она и с ним, и со мной... Меня аж безглаголиво передернуло внутри – как будто я спал не с ней, а с каким-то волосатым осетином. Я простил бы многое, но не измену.

Вика кивнула, посмотрела исподлобья. А мысли уже трансформировались и потекли совсем иначе. Уговорить ее не делать этого, сказать, что совершает ошибку? Рассказать о том, как она мне нужна? Вика уже все решила и теперь просто ставила перед фактом. Официальная точка наших отношений. Что ж, по крайней мере, это справедливо. Куда лучше, чем узнавать все самому и понимать, сколько лжи было вылито на тебя в последнее время. Или в один прекрасный момент наткнуться на стену из проигнорированных звонков и SMS, а дальше – думай что хочешь.

Сущность каждого человека поделена на два противопоставленных полушария: кто-то называет их левым и правым, кто-то – ангелом и чертом. Я же, вдохновленный одной индейской легендой, звал своих черным и белым волками. Этот миф рассказывал о борьбе людей со стаей черных волков, в которой племя индейцев видело свои негативные черты и нарекало «злом», но чем дольше продолжалось противостояние, тем больше и опытней становилась волчья стая. Однако и сами индейцы преображались в борьбе, закаляясь и телом, и духом. Племя желало победы, но война грозила продолжаться вечно. Тогда старый шаман посоветовал людям прекратить эту борьбу и обратить внимание на белых волков – и черная стая, действительно, была побеждена.

Я не разделял мнения индейского шамана и кормил, давал волю обоим волкам. Они грызлись между собой, крепили, и в этом противоборстве закалялся и я. Но предполагал, что однажды тонкая граница между двумя возросшими силами – то есть я – когда-нибудь рухнет под натиском моих волков и тогда начнется последняя, грандиозная битва двух зверей за право именоваться истинным мной.

Два разных мнения, два противоположных волка столкнулись во мне, начав своеобразную битву, и я не знал, как стоит поступить.

– Мы могли бы поговорить об этом и в подъезде, – нарушил я молчание безразличным тоном. На секунду на лице Вики появился виноватый оттенок. – Совсем не обязательно было меня сюда тащить ради одной этой фразы...

– Чуть не забыла! – вдруг воскликнула она. Затем встала, подошла к платяному шкафу и вытащила из-за него гитару в черном демисезонном чехле. – Спасибо, что дал поиграть, но с музыкой у меня все-таки проблемы...

– Я же говорил, что с таким маникюром за гитару можно и не братья, – сказал я, взяв гитару за гриф.

Но Вика не отпускала чехла. Ее лицо внезапно изменилось: холодная гримаса приобрела нежные черты, острый как ледяная бритва взгляд стал печальным, а на губах ее возникла едва заметная улыбка.

Вика, моя улетающая птичка, протянула ко мне свободную руку, положила на плечо и подалась вперед. Оцепенение спало, когда кончики наших носов уже готовы были встретиться. Я отпрянул от Вики, а к ней вновь вернулось это суровое выражение лица. Вика отпустила гитару.

– Если разрывать, то сразу, – выговорил я, отводя взгляд. – Сжигая мосты и прочее в том же духе.

– Иди, – сухо рубанула Вика. В ее взгляде читалось не столько озлобление, сколько обида – казалось, она ожидала от меня совершенно другой реакции.

Входная дверь – дверь в прошлое – хлопнула за мной, и я остался один на лестничной площадке. Хватка черного волка ослабла, я будто вынырнул из омута. Там, за декоративной металлической дверью, еще слышны были глухой шум спецэффектов из телевизора и голос Вики, отвечающей что-то родителям. Прошлый мир, старый мир, мир с Викой, куда отныне вход для меня закрыт, и понимание этого пробуждало то ли чувство одиночества, то ли свободы.

Последние зимние объятия еще держали в холоде городские улицы. Белые проплешины грязного снега робко напоминали о той пышной поре ослепительных дней и морозов, но теперь вызывали только чувство раздражения. Серое небо не обещало ничего хорошего. А я – наоборот: был свободен и полон радостных перспектив. В конце концов, теперь не придется тратить на Виду деньги и у меня появится больше времени для творчества.

Музыка – вот чем я занимал свободное от рабства в магазине время. Три месяца назад в недрах славного города Невинки начала свою деятельность команда музыкантов, взявшая себе неприметное имя «Скальд». Так же как и наши польские тезки «Skaldowie», группа «Скальд» специализировалась на балладах, исковерканных ритмом тяжелого фолка или folk-metal. Так что жизнь моя сплошь состояла из музыки: днем я торговал музыкальными компакт-дисками, вечера проводил на репетициях во «Дворце культуры имени Горького».

Еще год назад я был студентом «Политехнического института», готовился к карьере технаря на каком-нибудь предприятии города, и думать не думал перенести сферу своей деятельности в область искусства. А затем какая-то невидимая рука толкнула меня в правое полушарие человеческого сознания, где я утонул глубоко и прочно.

В довольно просторном помещении, размером в школьную аудиторию, царил загадочный полумрак – лишь несколько лампочек освещали комнату. Вдоль стен громоздилась пыльная аппаратура: колонки, усилители, бобинный проигрыватель, синтезатор «Yamaha», барабанная установка неизвестного производства, коробки с кассетами и грампластинками «Мелодии», микрофонные стойки и пюпитры и еще куча всякого хлама. Бетонные полы устланы проводами, покрытые вековой пылью жалюзи плотно, а может и намертво, сомкнуты, отгораживая обитель искусства от мирской суеты.

Этот предназначенный для старой аппаратуры закуток был арендован у администрации «Дворца культуры имени Горького» с тем уговором, что репетиции будут проходить либо вечером, либо рано утром, когда грохот нашей музыки не будет отвлекать местный персонал от своих непосредственных театрально-художественных обязанностей. Конечно, такое соседство предусматривало не только временные, но и децибельные рамки: пошуметь как следует нам бы не позволили.

Когда я пришел на репетицию, почти вся команда была уже в сборе, настраивалась, проигрывая разные мелодии, большей частью придуманные на ходу. С каким-то нездоровым энтузиазмом регулировали эквалайзер, отчего стало понятно: Алекса еще нет – он такого варварства не допустит.

– Привет всем, – перекрикивая общий шум, возвестил о своем присутствии я.

Тут же раздалась приветственная барабанная дробь за установкой, венчавшаяся коротким звоном тарелки, – это Игорь. Человек он немногословный, часто угрюмый, но от барабанов не оторвать, даже когда нет поблизости установки, обязательно найдет что-нибудь гулкое и звонкое. Или просто отбивал ритм на коленях или столешнице, когда руки больше ничем не заняты. Вообще Игорь для нашей группы был настоящим подарком: не так-то легко найти барабанщика, тем более толкового, – никто не хочет быть тем парнем, который постоянно сидит на стуле за установкой, откуда его красивого нифига не видно. А Игорь – он был прирожденным «тарабанщиком». Это был низкий, коренастый паренек с темно-рыжими волосами, накрывающими уши. Иногда Игоря можно было спутать с гномом.

Ребятам нравилось, чем все мы здесь занимались. И если бы не Алекс, мы бы так и не нашли друг друга. Шатались бы где-нибудь по улицам со своей подъездной романтикой, а затем и вовсе забросили инструменты в чуланы накапливать пыль.

Сам же Алекс – сокращенно от Алексей – был довольно грамотным музыкантом да и человеком в общем. Окончил музыкальную школу, затем «Ставропольский колледж искусств», чем остальная группа похвастаться не могла – музыке обучались сами, практически с полпинка от доморожденных учителей: даже обычный нотный стан казался нам таинственной и запутанной эльфийской вязью. Алекс собрал группу три месяца назад, кого добровольно, кого силой или даже хитростью, потому как некоторым товарищам такая затея показалась заведомо неудачной. Алекс выискивал по друзьям, знакомым, а кто попался и случайно – Сергей когда-то промышлял игрой в подземном переходе, где его и «взяли».

– О, торгаш явился! – откуда-то из-за колонок прокричал Дима – бас-гитарист.

Это единственный человек, которого я знал дольше всех. Когда-то в детстве по двору вместе гоняли, скучали за одной школьной партой. Но вскоре как-то перестали видеться, разошлись по разным ВУЗам, и только теперь, попав в общую сборную, возобновили нашу дружбу. Хотя дружба – сильно сказано, мы были слишком разные в представлениях о мире: мне он представлялся в менее приземистых и пошлых тонах. Однако товарищеская симпатия все же имелаась. Дима отличался разнообразием причесок, которыми раз в месяц одаривал свою голову, и неизменным наличием фенек на шее, запястьях, пальцах и ушах, стараясь изобразить сходство с Джеком Воробьем. Извините, капитаном Джеком Воробьем.

– Купец, – огрызнулся я в шутку. – Что-то начальство опять запаздывает, – заметил я после рукопожатия с музыкантами. Заниматься пустой болтовней, обычно сопровождавшей наши посиделки, в этот день категорически не хотелось. У меня все зудело от жажды действовать.

– Насяльника не запасывает, насяльника задеззивается, – копируя знаменитого персонажа Михаила Галустяна, отшутился Сергей.

Сергей вырос в довольно зажиточной семье владельца небольшой сети гастрономов, эталонный буржуа в нашем кругу, хотя занятие отца его мало интересовало. Месту в университетской аудитории Сергей предпочел воняющий мочой подземный переход, где исполнял на гитаре на радость прохожим, что еще больше отдалило его от перспективы «стать нормальным человеком». Сергей был среди нас настоящим красавцем, мечтой любой первокурсницы: ни худой, ни толстый, ни высокий, ни низкий, ни лысый, ни заросший, ни качок, ни задохлик. И благодаря своему причастию к «олигархическим» кругам города, но старательно отрешившийся от них, – ни богатый, ни бедный. Этакая блеклая середина женских вкусовых рецептов. Если Алекс был грамотным музыкантом, то Сергей являлся грамотным творцом – именно на его счету было подавляющее количество мелодий и рифмов. Можно сказать, Сергей занимался музыкой, Алекс – аранжировкой, я – текстами.

– Негоциант, – запоздало прибавил Дима, и, не найдя в моем лице поддержки для дальнейшего словесного поноса, потупился и вернулся к своему занятию.

Все мы здесь чем-то жертвовали ради музыки. Уделяли ей больше внимания, чем своим личным делам. Даже работали в последнее время только для того, чтобы закупить хорошие инструменты, улучшить звучание, оплатить аренду. В этой комнате мы утоляли свой голод, получали дозу наркотика, спасали свои души от рутины. Мир заканчивался по ту сторону жалюзи и плотно захлопнутой двери.

Пока Дима и Сергей возились с примочками, вытягивая из гитар самые разнообразные звуки, я расположился на подоконнике и стал ждать. Занятие гитаристов меня мало интересовало, я отвечал за вокал и большую часть текстов. Без Алекса обычно не начинали, ожидание несколько остудило мой пыл и в придачу наградило мрачными мыслями.

Вике не нравилось, когда я уходил на репетиции. Она побывала здесь всего один раз, поначалу с любопытством глядела на наше занятие, а через некоторое время на лице ее проявилась недовольная гримаса. Уже потом, когда я провожал ее домой, Вика назвала нас прожигателями времени, дилетантами и прочим в том же духе. Поначалу я думал, что она попросту ревнует, что я провожу вечера не с ней, а в компании «отмороженных неформалов». Вика была категорически против моего нового увлечения, ей до тошноты не нравилась наша музыка, но свою убедительную точку зрения она не могла составить, пока в одном журнале ей не попала статья о рок-музыке. Вкратце выглядела она так:

«Когда-то рок в России был инструментом культурно-политической оппозиции, нишей отчаянных и свободных. Затем, когда рокерам объявили о свободе самовыражения, оппозиция на время умерла. В котле идеологического хаоса перестройки было непонятно, против чего стоит бунтовать.

Но выход скоро нашелся: сражаться стоит против попсы – не просто как направления в музыке, а вообще с любой популярностью, стандартностью. Появилась прослойка неформалов, своим пестрым видом сигнализирующим нечто вроде: «Смотрите на меня! Я не такой, как вы! Я не хочу быть в стаде! Я могу плевать на мораль, традиции и ваше мнение! Смерть попсе!». Таким образом, несогласные со стадом объединились в свое отдельное стадо.

Естественно, стадо это вскоре подросло, сломалось под тяжестью мнений, стыдливо откристилось от своих прежних увлечений, и на свет появилось нечто новое, еще хранившее отпечатки предшествующих стадий эволюции рока. Это новое синхронизировалось с социально-культурной жизнью общества, все еще плюется в сторону гламура и гомосексуалистов, однако не так ядовито, как прежде. «Тьфу на вас! Живите как хотите!» – вот лозунг современного *пушистого* рока.

И пока непонятно, кому и чему, собственно, следует создавать оппозицию, рок все больше перекаптовывается в область фольклора и фэнтези. Там он сражается с воображаемыми друзьями против воображаемых врагов.

Бурная молодость рока прошла, он вышел на пенсию и меркантильно подсчитывает каждую копеечку. Симпатичные напевы команд вроде «Lumen» и «Loupa» с их расплывчатой анти-системной философией не могут утолить голода борьбы, они движутся скорее по инерции из лона старого рока, чем создают что-то сознательно. Потому что, во-первых, до конца не понимают, что такое система, во-вторых, как найти выход из этой системы, и, в-третьих, куда выходить из этой системы. Из системы можно выйти только в систему, а не в пустоту. А чтобы выйти в систему, нужно ее сначала построить.

Рок всегда был тесно связан с политикой и обществом. Феодализм и монархия ушли в прошлое, социализм пережили, демократия не может удовлетворить требованиям народа. Что дальше?.. Переливать из пустого в порожнее, громко горланить со сцены научились многие. Создать что-то новое по примеру первопроходцев рока, поразить этим весь мир – пока этого сделать не может никто».

Мнение Вики заключалось в следующем: если ты пишешь стихи, то обязан быть Пушкиным, если играешь на гитаре – Джо Сатриани. Если ты хоть на ступеньку ниже – то и братья не стоит. Но меня больше задело не сами ее слова, а то, что Вика так категорично препятствовала моему увлечению. Чтобы лучше понять мое поведение во время расставания с Викой, я сообщу, что когда-то дышал только ей и музыкой, а попытка отнять у меня музыку была равносильно ампутации одного легкого, причем самого жизненно необходимого.

Этот эпизод со статьей всплыл в моей памяти, будто последняя насмешка Вики. И что самое противное – на меня эта насмешка подействовала.

Рок мертв. Попытка встряхнуть его равносильна эксгумации.

Неужели я не там, где должен находиться?

В ответ тишина.

Куда мне следует идти?

Опять тишина. Ответы не всегда приходили вовремя. И до некоторых ответов нужно было просто дорасти.

Эта репетиция оказалась самой провальной из всех предыдущих. Воодушевление, желание вломить тяжелого металла, да так, чтоб треснули стены, куда-то пропало после моего осознания бессмысленности всей этой затеи. Музыка, которую транслировали старые колонки, была отвратительной, собственные стихи звучали как набор пустотелых слов. Кажется, мое настроение передалось остальным членам команды – и вся игра пошла наперекосяк.

Наверно, думал я, мы все-таки хорошая команда, раз чувствуем и понимаем друг друга. Однако это уже не имело никакого значения. Наша группа сто раз вторична и обречена на скорую смерть. Фальшь, внезапная слабость, отсутствие желания превратили репетицию в настоящую каторгу. Уже не людям – стенам ДК стала отвратительна подобная музыка: в девятом часу вечера вдруг погас свет, и нас окунуло в черную тишину. Подсвечивая путь телефонами, мы добрались до вахты, где нам сообщили о проблеме с трансформатором, и разошлись по домам.

Автобусы и маршрутки к тому времени уже не ходили, тратиться на такси я не стал, хотя дорога домой была не близкой и занимала около часа ходьбы. Наш город в девять часов вечера, за исключением летнего периода, уже начинал потихоньку засыпать. Я шел по безлюдной улице, освещенной фонарями и скупыми витринами в сторону городского парка, и что-то едкое бурлило в груди: я старался потопить в себе какое-то чувство, расходуя силы, укрываясь позитивом, но чувство это настойчиво старалось всплыть.

Как долго мы с тобой не разговаривали. Наверно, ты уже забыла про меня, Тьма?

Глава 2

Я рос довольно закрытым ребенком, несмотря на то, что охотно плавал в общественном социуме: мне нравились командные игры на физкультуре, я любил принимать участие во всяческих школьных мероприятиях и целыми днями пропадал во дворе. Но никогда и ни перед кем не открывал своего внутреннего мира, считая это место священным и предназначенным лишь для меня одного.

Наверно, это был такой способ маскировки, чтобы никто не заподозрил во мне чего-то, не присущего человеческому роду. Я боялся, что родители откажутся от меня, посчитав странным ребенком, бросающим тень недоверия к их социальному месту. Я боялся потерять друзей и сделаться мишенью для насмешек. Меня пугала мысль об изгнании, хотя желание одиночества невыносимо ныло в груди, выманивая из кипучего города на простор сельскохозяйственных полей и узкую полосу леса вдоль реки Кубани.

Короче говоря, я с детства жил больше на небе, чем на земле. В прямом и переносном смысле. Но крепче всего манило звездное небо.

И однажды, лежа на крохотном плоту-Земле, дрейфующему посреди Океана Вселенной, вдали от фонарей, окруженный лишь несмело переговаривающейся темнотой летнего поля, я созерцал звездное небо и неожиданно сознанием провалился в его глубину. В тот момент я перестал быть на своей планете. Сила притяжения как будто иссякла, или почва подо мной вдруг провалилась, а я остался висеть в тех же вселенских координатах.

Я парил где-то в необъятном, черном, украшенном соцветиями звезд пространстве. И это пространство больше не было двухмерной картинкой романтического фотографа или астронома. Это был Космос, с его глубинами, расстояниями, с его движением, силой и загадками, недоступными никогда человеческой расе, ибо чтобы добраться до этих тайн уйдет не один срок, предназначенный людской цивилизации...

Тогда я понял ее – Тьму. Я условно так назвал Ее, потому что видел только мрак с россыпью искр. Слово «космос» не подходило, так как обозначало лишь какое-то пространство, скорее «Вселенная» – это чуть ближе, но тоже не то. Даже свет, излучаемый звездами, электрическими лампами, кострами в глухом лесу – весь он был только ничтожной частью огромной Тьмы.

Спустя какое-то время я задал себе вопрос: неужели эта Жизнь, эта Тьма движется, трансформируется сама по себе? Что, какие силы ведут этот колоссальный механизм? Управляют им, следят за порядком. Многие ответили бы мне, что это Бог. Но что за Бог? Иисус, Будда, Тласольтеотль?.. Если Бог один, то почему у него столько разных имен? Нет, религия не может быть истиной. И эти персонажи не имеют никакого отношения к Богу, кроме того, что их так называют. Если бы муравей захотел изобразить человека, он нарисовал бы невероятно могущественного муравья, живущего на верхней ветке самого высокого дерева на поляне.

Я уже имел тогда представление о религиях, как о некоторой национальной идее, как о человеческом вымысле, созданном для осмысления своей жизни, которое накатывалось снежным шаром и превращалось сначала в ниточки для управления государством, а затем в бизнес.

И тогда мне пришло в голову такое слово – «судьба». Конечно, эта движущая сила – Судьба! Но не в классическом диктаторском варианте. Судьба – огромный локомотив, тянущий за собой все остальное. Она движет всеми цепочками жизней, не только органических, но и неорганических, ведь, в сущности, Жизнь не ограничивается только биологической формой. Эти жизни сходятся вместе случайным образом в зависимости от вектора направления и угла, под которым они отскакивают друг от друга при встрече.

Такая модель Судьбы напоминает бильярдный стол, где шары – это не только физические субъекты вселенной, но и такие эфемерные, как мысли или желания.

Разумеется, эти умозаключения тринадцатилетнего подростка могут показаться несерьезными, только спустя много лет Тьма открыла для меня настоящий облик Действительности. Но и этого хватило, чтобы пробить крохотную брешь в яйце традиционного мировоззрения.

С тех пор я стал внимательней к окружающему миру и заметил, что он способен общаться: сначала я воспринимал это с помощью знаков, потом научился эти знаки перекодировать в слова. Тьмой я стал называть своего незримого собеседника, сохраняя верность недавнему открытию. (К тому же это загадочное слово было для меня жутко соблазнительным из-за неприязни подавляющего большинства ко всему, что не относится к продукции религиозной попсы.) Тьма стала моим гидом, я словно впервые изучал окружающий мир, получал новые знания и поражался их простоте и доступностью.

Вопросы мои носили очень обширный характер: от психологии до астрофизики, – и не все ответы были до конца ясны. Но вопреки ожиданиям я не стал всезнайкой, способным вот так вот запросто выложить всех джокеров истинного порядка вещей. Мой мозг был подобен маленькой флешке, время от времени подключавшейся к огромному *харду* вселенского знания, и это давало значительные ограничения в хранении информации. В памяти перемешивались данные из всевозможных источников, так что разделить истинные от ложных зачастую было довольно трудно. К тому же огромное количество знаний попросту забывалось ввиду невостребованности, точнее – путь к ним терялся в нагромождении миллиарда файлов.

Для того чтобы знать все обо всем необходимо было иметь постоянное подключение к Тьме, но поговорить с Ней получалось только в определенных условиях. Зачем в таком случае мне нужна была Тьма? Она была моим единственным другом, общение с Ней я расценивал как развлечение, недоступное остальным.

Случалось и такое, что ответа на какой-то вопрос я не мог понять из-за особенностей своего физического состояния. Например, человеку невозможно стать деревом или облаком и оттого некоторая информация, касающаяся этих форм жизни, просто теряет свой смысл.

Существовали и другие ограничения. Тьма называла недоступность некоторой информации и вследствие этого возникающие ограничения в возможностях человека «социальной блокировкой».

Чтобы получить полное сверхзнание от сверхума, необходимо обладать сверхпониманием. Тьма говорила, что каждый человек рождается с какими-то способностями, даром, и что эти способности идут вразрез с политикой общества, что вынуждает его приглушать индивидуальный импульс человека, а то и вовсе резать на корню, оставляя лишь однотипные болванки, способные обеспечить сохранность доминирующей формы социума. Единственный способ снять блокировку, говорила Тьма, это родиться заново.

Использовать такую необычную способность в коммерческих целях я не стал – мешали совесть и недостаток опыта. Чем больше я вырос, тем слабее становилась моя связь с Тьмой. Сначала меня социализировал институт, а затем в моей жизни появилась Вика. Голос Тьмы затуманился, и со временем я почти перестал звать к ней, делая это лишь автоматически в слабой надежде на ответ.

Следующую рабочую неделю я провел очень активно. Никогда раньше коллеги не видели во мне столько энтузиазма, такой четкости в действиях и ясности головы. Дело в том, что в это время моя голова впервые за несколько месяцев была свободна от творческих раздумий, от грез о блестящем будущем, и вообще я старательно выращивал желание больше никогда не заниматься музыкой. Я решил, что больше не явлюсь на репетицию. Это пустая затея и с ней надо кончать. Это хобби, которое уже не приносило удовольствия, а только пожирало уйму ценного времени и денег. Лучше посвятить это время реальным вещам: достигнуть успехов на работе, получить дополнительное образование или найти какую-нибудь подработку, чтобы взять квартиру под ипотеку. На телефонные звонки Алекса и других музыкантов я не отвечал.

Но пятницу я закончил утомленным и неудовлетворенным, что еще больше подпитывало ощущением пустоты происходящего. Оказалось, что и здесь никому нафиг не нужна моя энергия. Наградой за хорошую работу будет еще больше работы, это аксиома. Конечно, существуют рабы, готовые с радостью отдавать свою жизненную энергию хозяину, но в тот день я понял, что такая жизнь не по мне.

Если раньше я полагал, что разрыв с Викой станет для меня настоящим подарком, то теперь мое мнение изменилось – в какую-то неопределенную сторону. Вектор пути надломился и указывал в неизвестность.

На улице цвел ласковый вечер, Солнце катилось в горизонт по рыжим облакам, теплый ветер умывал лицо. Новорожденная весна выманила горожан из затхлых квартир на все еще серые, с зелеными вкраплениями редкой травы, но уже прогретые Солнцем, улицы. Это время встреч, но не расставаний. Охладевшие за зиму сердца требовали романтики и приключений. Потому город как-то быстро налился детскими голосами, похожими на пение птиц, тинэйджеры и старики облепили скамейки у подъездов и под беседками, счастливые мамы катили коляски в сторону парка, а выпитые работой отцы брели домой к «танчикам».

Мы часто ходили с ней этой дорогой: я с магазина, Вика – из института. Благо, эти заведения находились на одной улице. Вика, как правило, заканчивала раньше, и тогда приходила ко мне на работу, ждала, пока я освобожусь. Иногда она одиноко пряталась в уголочке с учебниками, иногда наоборот – нарочито мешалась, развеивала, как могла, унылую рабочую рутину. Славные были времена.

А если я все-таки ее увижу и пойму, что между нами действительно все кончено, о чем мы будем с ней говорить? Многозначительно молчать? Или начнем выяснять отношения? Наверно, будет лучше вовсе не видеться с ней.

Волки, почуяв поле для споров, снова затеяли свою возню.

Грустно, когда сказка кончается, и мы осознаем, что вокруг еще полно людей, имеющих свои страсти, мысли, планы, стремления. И что не в силах одного человека прокатывать свою колею, не обращая ни на кого внимания, и думать, что это навсегда. Когда рождаются отношения между людьми, возникает единство. Это костер во мраке, зовущий к себе, к людям, которые уже сидят вокруг него, и с радостью принимают тебя погреться вместе. Жаль только, костров этих много, и неважно, сколько собралось вокруг каждого, десятков или только двое, и никто не может собрать очаги воедино, дабы не кочевать от одного к другому. И когда распадается это единство по тем или иным причинам, расходятся по другим кострам, огонь гаснет, оставив последнего оставшегося в полной темноте одиночества...

Что мне сделать, чтобы все вернуть?

Я не ожидал услышать ответа. Но сейчас Тьма была единственным существом, с которым я бы стал разговаривать. Кажется, мелкий, раздавленный человечек Ей стал больше неинтересен. Я общался с Тьмой так же, как другие говорят со своим богом, и так же, как и у них, у меня не было стопроцентной уверенности в существовании своего покровителя. Если бы эта уверенность была стопроцентной, ее никогда не назвали бы «верой». Я говорил без надежды на ответ, но желая быть хотя бы услышанным.

Дай лишь взглянуть на нее. Одну минуту. Дай почувствовать, что этот день не прожит зря...

Я заметил Вику на автобусной остановке и замер, боясь спугнуть видение. Если оно упорхнет, растает в вечернем сумраке, это станет катастрофой. Но видение осталось на месте, даже наоборот – повернулось ко мне. Вика приветливо улыбнулась. Что-то теплое вдруг засветилось внутри. Отголосок надежды.

Это был первый признак того, что Тьма вышла на контакт.

– Привет, – сказала Вика, когда я подошел ближе.

– Привет, – едва сдерживая ликование, ответил я. Ликование – но не радость. Черный самовлюбленный зверь во мне сейчас праздновал свою победу, наслаждаясь Викиной улыбкой. Другой же волк в этот момент, проиграв свой раунд, закрался в темный угол и грустно скулил из него.

– Как твои дела? – развязал я неловкую паузу. Было совершенно непонятно, о чем нам сейчас стоит говорить.

– Хорошо. – В глаза мы друг другу так и не смотрели, отягощенные своими мыслями. – С учебы вот возвращаюсь...

– Автобус ждешь? – задал я глупый вопрос.

Вика кивнула, но озадачено поглядела по сторонам, будто опасаясь, что нас увидят вместе.

– Мне на ту же маршрутку, что и тебе, – напомнил я. Мы действительно жили в одном районе.

– Я Антона жду, мы вместе поедем, – как бы извиняясь, сказала Вика. Только что ликовавший зверь приумолк, в его взгляде появилось недоумение – белый вынул нос из своего убежища и схватил противника за хвост, чтобы утащить подальше от меня.

– Хочешь розу? – неожиданно спросил я, остановив взгляд на цветочном магазине, расположенном недалеко от остановки.

– Хочу, – в момент отреагировала Вика.

– Я сейчас!

Чуть ли не бегом я нырнул в цветник, опасаясь, что Вика уедет, пока я буду медлить. О ее новом друге – Антоне – я в этот момент совершенно не думал, мне безудержно хотелось сделать Вике подарок. Вернее, это был даже не подарок, а послание о том, что Вика все еще нужна мне. Черный волк самодовольно облизнулся, ошибочно приняв мой поступок за свою победу.

– Спасибо, – сказала Вика, принимая красный цветок, который озадаченные моей спешкой продавщицы не стали украшать. И вдруг искорки в глазах Вики померкли. – Ой!..

Я проследил за ее взглядом и увидел паренька, с широкой улыбкой приближавшегося к остановке. И чем ближе он подходил, тем уже улыбался. Сначала Антон заметил меня, затем цветок в руках Вики, его лицо помрачнело, выступили черты решимости. Человек этот показался мне знакомым, кажется, он встречался мне в институте, где училась Вика.

– Привет, Антоша! – светло улыбаясь, но без особой радости, сказала Вика. Антон ничего не ответил, бросил на меня угрожающий взгляд и вопросительно указал на цветок:

– Откуда роза?

Вика посмотрела на меня, ища поддержки, затем перевела взгляд на Антона и, не моргая, приоткрыв рот, уставилась на него. Не нужно быть большим специалистом по психологии, чтобы понять – сейчас Вика начнет врать.

– Я подарил, – сказал я, чем поставил Вику в неловкое положение, но оградил ее от назревающей паутины лжи.

– Я думал, вы обо всем уже договорились. Ты мне сказала, что не хочешь больше видеть этого человека. – Хоть эти слова и были адресованы Вике, но смотрел Антон на меня. – Ну и? А это что значит? Что ты молчишь?

– Антош, успокойся... – лепетала в ответ Вика.

Но Антон ее не слушал. Он повернулся всем корпусом ко мне и встал почти вплотную. Будь Антон чуть старше, он вел бы себя немного сдержанней, но молодая кровь искала возможности проявить себя, не считаясь ни перед прохожими, ни перед Викой, ни перед самим Создателем. От него веяло угрозой, но я, не отличавшийся особенной храбростью, не воспринимал Антона как противника. Передо мной стоял вор, укравший мою Вику, следовало бы

спустить на него всех своих волков, но они, в первую очередь черный, повели себя довольно странно.

– Я не собираюсь тебя делить с кем бы то ни было. Либо ты со мной, либо с ним. А если ты с ним, я ему рожу раскрошу и пойду по своим делам! Выбирай!

– Антон, не горячись, я тебе объясню...

– Ты смотри, какой ранимый, – смеялся я, подливая масла в огонь. Я смеялся не от страха или нервного напряжения, меня рассмешила сама сцена происходящего – я представил себе, как это выглядит со стороны, будто стоял в отдалении и наблюдал за драматичным спектаклем. А актерам, играющим для меня эту пьеску, происходящее казалось настолько значительным и реальным, что они забыли истинную свою сущность и целиком погрузились в представление.

Антон мое поведение совсем вывело из себя – он не мог позволить мне смеяться над собой. Кулаки его сжались, на лице нарисовалось странное агрессивное выражение. Он был готов вот-вот ударить. Вика была готова вот-вот повиснуть на Антоне.

Всякое представление имеет не только действующих лиц и зрителей, но и режиссера. Именно в его власти нарушить композицию спектакля, вывести актера из общей искусственной сферы бытия, дать ему задание или изменить характер поведения. Режиссером вправе стать любой, покинувший пределы представления. Именно режиссером я почувствовал себя в тот момент. Вика и Антон стояли на сцене, а вокруг нее на периферии зрения или мировосприятия проявилась новая картина: я увидел целую сеть из разноцветных нитей, паутиной опутавшей пространство. Некоторые нити тянулись к актерам на сцене, цеплялись за руки, голову, ноги, отчего те походили на марионеток. Можно было дернуть за нить – и актер послушно исполнит приказ. И я приказал Антону замереть.

– Антон? – спросила Вика. Роза выпала из ее руки, и Вика, не заметив, наступила на нее каблучком.

– Он тебя не слышит, – произнес я голосом, едва похожим на мой.

– Что... – начала было Вика, прижимаясь к безвольно висевшей вдоль туловища руке Антона. Антон застыл, будто манекен, посреди улицы, но внимания на это никто из прохожих не обращал.

Она в любом случае выберет не тебя, а его, – шептал мне на ухо черный волк, – так зачем стараться? Отомсти ей – только так ты заполнишь свою пустоту.

Дай Вике свободу выбора, – по-своему вторил противнику белый. – Насильно мил не будешь. Отпусти ее. Поблагодари за все, а затем иди своей дорогой.

– Когда мы были моложе, мы клялись вечно любить друг друга. Конечно, это было глупо, теперь я понимаю. Но тогда это выглядело таким простым и реальным... Сейчас, наверно, так больше не говорят. Люди стали рано взрослеть, оставаясь при этом детьми. Они трезво и расчетливо видят, что клятва такая бесполезна, потому и огораживают себя от лишних надежд. – Вика испуганно слушала меня, время от времени дергала Антона за рукав и, казалось, не понимала того, что я говорил. – Да, многое меняется в жизни... И клятвами не стоит бросаться просто так. Наверно, ты уже забыла о ней или просто не придаешь значения подобным вещам.

Я знаю, Ты сейчас со мной. Освободи меня.

Внезапный порыв ледяного ветра согнал тучу сидящих на ветках ворон. Сотня крыльев зашуршала в воздухе, небо заполнилось карканьем, придавая что-то зловещее атмосфере вокруг.

Происходящее пугало меня не меньше, чем Вику, но я был хладнокровен, будто убеждал не столько ее, сколько себя, – так и должно быть, это в порядке вещей. Я понял, что теперь моя жизнь не будет связана с Викой, моя жизнь обещала мне нечто новое и глубокое, и я должен был туда шагнуть сам. Выбор сделан, фигуры встали на свои новые места и кто-то должен был сделать первый ход.

– Мы, наверно, уже никогда не увидимся, – сказал я Вике. – Прощай.

– Ты уезжаешь? – Вику эта новость заставила позабыть о своем новом друге, она отстранилась от руки Антона и удивленно-испуганно подалась ко мне. – Куда?..

– Уезжаю, – кивнул я. А потом, заметив реакцию Вики, добавил: – Нет, пока не уезжаю. Но я не хочу тебя больше видеть. Всего доброго.

Глава 3

Я брел по набережной, отрекшись от всего на свете. Мир вокруг стал каким-то чуждым, новым и... понятным.

Исчезала привычная картина окружающего – теперь вместо единого целого раскрывались отдельные мазки, отдельные детали и каждая из них имела свою силу и свой вектор. Больше не было хаотичного движения этих векторов – все они оказались сложным, но понятным вселенским узором.

Тогда я еще оставался в мировосприятии человека, но это восприятие будто треснуло и через трещину глядело на меня нечто новое – скрытый механизм за кулисами театральной сцены. Я ощущал себя птенцом, пробившим узкую щель в скорлупе яйца. И только что пережитое событие больше не выглядело таким пугающим и непонятным.

Вместе с приходом нового мира, я осознал, что потерял старый. Я перестал цепляться за людей так, как делал это прежде. Друзья и семья теперь не были такими близкими как раньше – хотя бы потому, что находились в какой-то ограниченной сфере мировосприятия, тогда как моя расширилась до невообразимых размеров. Вход в мой новый мир для них был недоступен, возвращаться в старый у меня не было желания. Понимание этого вызвало ностальгию, но жажда увидеть большее тянула вперед.

Погода, словно чувствуя мои мысли, резко изменилась – воздух посвежел, крепнувший холодный ветер нагнал на небо темные тучи. Казалось, вот-вот грянет гроза – эффектная кульминация вечера, словно саундтрек к жизни человека.

После работы я обычно залезал в интернет, находил там какой-нибудь фильм и таким образом коротал остаток вечера. Сегодня все было по-другому. Как-то машинально, неосознанно, погруженный в глубокие мысли, я включил компьютер, принялся гулять по сайтам, абстрагируясь от своих действий. Перед глазами мелькали постеры, но ни один из них так и не сумел зацепить моего внимания. Через полчаса бессмысленные прогулки по информационной сети мне порядком надоели, глаза устали, а перегруженная голова просила отдыха. Я лег на диван, включил музыку в MP3-плеере и закрыл глаза.

Перед закрытыми глазами неожиданно возник образ Вики, хотя до этого мои мысли были далеко от нее. Она улыбалась и выглядела счастливой, отчего в груди у меня заныло – она была счастлива, но не со мной.

Какое-то время я смотрел на нее, следил за ее движениями, словно Вика была живой, а не плодом воображения. Подсознание нарисовало ее так четко, во всех деталях ее внешности и характера, что легко можно было обмануться. Вика превратилась в образ, воспоминание, которое уже никогда не изменится.

Изменилась настоящая. Возможно ли, чтобы все, что мы говорили друг другу, оказалось обманом? Или мы были такими только ради друг друга? А оказалось, что мы вовсе не те? Или мне хотелось видеть ее такой? А теперь мы просто образы, фотографии, оставленные неизменными на память...

Грянул гром – и я вздрогнул. Оказалось, я заснул на несколько минут, но этого хватило, чтобы выспаться и отдохнуть. Та пустота, гнетущая меня несколько дней, исчезла – ее заменил прилив новых сил, но не физической энергии, а какой-то внутренней.

В наушниках все еще мурлыкала гитара, приятный голос Хелависы пел о королеве, которой, возможно, и не существует на свете. Когда успел пройти дождь – я не заметил, но на окне до сих пор играли блики молний.

Была уже ночь. Тишина поглотила город, так что любой шум во дворе казался преступлением, а рев сигнализации – и вовсе святотатством.

Какое-то время я бродил по сонной квартире, не зная чем себя занять. В четырех стенах было тесно, и я как-то неожиданно оделся и вышел на улицу. Это произошло так естественно, словно я каждый день гулял под луной.

На улице было холодно и сыро, в лицо дул противный ветер с острыми каплями дождя. Казалось бы, какого черта делать в такую погоду, не лучше ли вернуться домой и нормально поспать в теплой постели? Но нечто неуловимое, какой-то зов тянул меня вперед, я не совсем соображал, что делаю и куда иду, происходящее казалось продолжением сна.

Ноги вели меня по пустынным улицам сквозь непроглядный мрак – фонари не горели, их выключали часа в три ночи для экономии электроэнергии. Сверкало от далеких молний небо, луна еле пробивалась сквозь завесу туч.

Я нырнул под дырявый, еще лишенный листвы, свод деревьев Фабричного парка. Голые тополя с необъятными, старыми стволами недовольно закричали, а меня пробил озноб – не то от холода, не то от жути происходящего. Я шел медленно и осторожно, боясь наступить на хрусткую веточку.

В парке, совсем недалеко от меня, был кто-то еще. Я почувствовал это и свернул с аллеи, продолжая идти в направлении зова. В другое время я бы пожалел, что в кармане нет хотя бы газового баллончика, но сейчас он был не к чему – я удостоверился, что Тьма куда более серьезное оружие. Однако границы и сила этого оружия были еще неизведанны, так что следовало быть начеку.

Наконец послышались голоса – где-то в гуще деревьев. Я направился туда. За деревьями открывалась поляна с расставленными по периметру скамейками, бесцеремонно принесенных сюда с аллеи. Причем стоит удивляться тому, насколько сильным было желание доставить сюда общественные сидалища, ведь на своих положенных местах ножки скамеек были залиты бетоном, а наиболее древние из них давно утонули под слоями асфальта. Скамейки образовывали какой-то многоугольник, в середине фигуры пылал яркий костер – его пламя то и дело наклоняло ветром.

На скамейках сидело около десятка человек. На первый взгляд их можно было отнести к числу каких-нибудь сектантов, собравшихся здесь ради своего пустого ритуала. В конце концов, какая еще причина могла выгнать нормальных людей из-под теплых одеял на этот собачий холод?

Тут я вспомнил, что и сам явился сюда как бы не по своей воле, и сердце стало биться чуть ровнее.

Направление ветра изменилось, и до меня долетел звон струн. Сквозь недружный хор подпевающих едва угадывались слова. Кажется, что-то из «Пикника», слышно было только отдельные фразы. Мягкая, неторопливая мелодия как нельзя лучше подходила к ночному лесу и пламени костра, дополняя их, связывая в один ансамбль. Тут я совершенно успокоился – ребята показались мне почти «своими».

Несколько минут я как замороженный смотрел на эту картину в стороне за деревом. Тяга зова ослабла, значит, именно сюда меня и вели, но подойти ближе я все-таки не решался. Ладони хоть были спрятаны в карманах ветровки, но уже успели ооченеть, да и сама куртка едва спасала от озноба. Я думал, стоит ли приближаться к этой компании, люди они мирные и у костра можно будет погреться, или лучше вернуться домой – все-таки зов не вел меня дальше этого дерева, да и ничего интересного на поляне не происходило.

Но тут сзади раздался голос:

– Есть курить?

– Не курю, – машинально ответил я, поворачиваясь.

Передо мной стояли два человека, хотя сначала их можно было принять за вертикальные тени – в полумраке даже лиц не разглядеть, все тело было покрыто однотонной темной пеленой.

– Я тоже, – усмехнулась тень. – Просто надо как-то разговор завести. Если подойти вот так к простому человеку и спросить – он меня даже не заметит. Так, проверка.

– Почему ты стоишь здесь? – спросил второй.

– Да я... прогуляться вышел, – замерзшая челюсть едва разжималась, чтобы произносить слова. От темных фигур веяло какой-то защитой, я чувствовал себя в безопасности рядом с ними. – Вы откуда? – спросил я на всякий случай, указывая на поляну.

– Ага. Многим из нас сегодня не спится...

– Почему? – зачем-то спросил я. Белый волк уговаривал меня закончить разговор и покинуть это место. Но любопытство брало свое.

– В эту ночь мы зовем Искателей, чтобы познакомиться. Затем Михаэль выбирает тех, кого станут обучать, – тень продолжала говорить что-то еще, но я не понял ни слова.

Кто-то на поляне заслонил свет костра, и мои собеседники пропали.

– Я вас не вижу.

– Это нормально, потом привыкнешь. Костя научил нас этому трюку, теперь каждый раз отправляет на разведку. Он сильнее остальных, кроме Михаэля, конечно. Хотя тоже еще учится. Думаю, когда-нибудь его выберут Князем.

– Чему он вас научил? – я зацепился за единственное, что понял из слов этих странных людей.

– Теневой личности. Это сложная техника, многие идут к ней годами.

– Просто света мало, – начал оправдываться я, пытаюсь найти хоть какое-то объяснение. – Кто-то закрыл костер, и в темноте я перестал вас видеть.

Передо мной зашуршала прошлогодняя листва, я понял, что мои собеседники производят какие-то движения.

– Пойдем с нами. Тебе незачем тут стоять.

Отсвет костра вновь озарил их. Но я все равно не мог разглядеть ни лиц, ни деталей одежды.

– Куда?

Собеседники указали на поляну:

– Сегодня Посвящение. Но тебе пока еще рано. Можешь просто погреться в Храме, это не запрещается.

– В каком храме? – не понял я.

– В этом, – мне снова указали на поляну. – Разве ты не видишь его?

– Это вы называете храмом? Выглядит как-то скромно, – я вернулся к выводу, что все эти парни, собравшиеся ночью в лесу, всего лишь кучка сектантов, игравших в какую-нибудь религию, и заигрались так, что в конце концов поверили в нее.

Может быть, если позади меня действительно стоял бы какой-нибудь храм, церковь или мечеть, я бы с большим уважением отнесся к игре фанатиков. Социальная блокировка вряд ли позволила мне говорить так иронически, даже с издевкой, о настоящем храме. Ведь та же церковь, чем больше и пышнее она выглядит, тем сильнее заражает уверенностью в истинности своей религии. Большой размер и красота – это критерии материального мира, в котором обитает человечество, и чем крупнее объект этого мира, тем значительней он становится в глазах индивидуума. Какой-то внутренний голос шепчет тебе: если этот храм построили таким большим, значит, много людей ходит туда помолиться, и то, что ты будешь молиться вместе с ними, никому не покажется странным. Вы можете верить хоть в Макаронного бога, но над вами будут смеяться до тех пор, пока вы не построите этому богу огромный храм. Размер имеет значение. (Херр Фрейд удовлетворенно перевернулся в своем гробу на другой бок.)

– Здесь только лавочки и костер, – ответил я.

– Это тебе сейчас так кажется, что здесь просто лавочки и костер, чуть позже ты поймешь, что это настоящий...

– Константин просит тебя подойти к нему, – вдруг перебил второй.

Я оглянулся на поляну – одна из фигур стояла подле костра, широко расставив ноги и сцепив руки за спиной.

– Зачем я ему?

– Не знаю, хочет поговорить.

Фигура у костра ждала спокойно, но требовательно.

– Он очень хочет тебя видеть, – с нажимом повторил человек. От его слов меня сковал страх, я готов был подчиниться любому его приказу. Но через секунду хватка ослабла, я сделал глубокий вдох ртом, словно не дышал несколько минут.

Я ошибся, эти парни действительно не от мира сего. В голове что-то щелкнуло, слетела какая-то преграда. И вдруг я действительно увидел вместо поляны высокое сооружение со шпильями. Подробности разглядеть не удалось – ночь залила его однотонной черной краской. Лишь у земли из строения вырывалась арка рыжего света, и человек стоял, убрав руки за спину, посреди входа в самый настоящий храм.

С какого неба свалилось это сооружение посреди знакомого с детства парка? Почему я его вижу? Что здесь происходит? Это галлюцинация?..

– Не бойся, сегодня праздник, – сказал человек у входа. Несмотря на расстояние, я отчетливо слышал его. – Сегодня Посвящение. И сегодня Тьма инициировала Князя.

Эти слова, и в особенности упомянутая Константином Тьма, сделали свое дело – я бросился бежать. Так поступил бы любой адекватный человек.

Я не помнил себя в тот момент и не мог отчетливо сообразить, от чего я спасался. Рядом по темной аллее бежали мои волки, и ни один из них не старался меня остановить. Это был один из тех редких моментов, когда мои звери были солидарны. Я пытался спастись, и в этом не было ни капли трусости.

Я как будто только сейчас осознал серьезность происходящего. Если раньше я полагал, что в своем роде единственный человек на планете, знающий Тьму, имеющий с ней общий язык, то встретившись с такими же людьми, это знакомство меня оттолкнуло. Вступление в их общество было равносильно шагу через пропасть без уверенности ступить на почву. К тому же предполагало возникновение долга и ответственности, а к этому я не был готов еще больше.

Здания проносились мимо меня словно в перемотке кадров. Я бежал по мрачной дороге подальше от парка и лишь дома пришел в себя. Увидел привычную обстановку и схватился за нее словно за спасательный круг. Знакомая реальность позволила перевести дух и успокоила сердцебиение. Я свалился на диван, желая поскорее уснуть и уверить себя, что все происшедшее было только сном.

Глава 4

Где-то возле уха заиграл телефон. Я пошарил рукой возле подушки и нащупал требовательно вибрирующий мобильный. Звонил Дима.

– Аллёшки, – сонно ответил я.

– Ты че, телеса до сих пор давишь? Уже десять утра! – на фоне голоса Димы шумели машины и пели птицы. По сравнению с тишиной, царившей у меня в комнате, атмосфера, в которой пребывал Дима, была живой и энергичной. Такой контраст мигом разбудил мой сонный мозг.

– У меня сегодня выходной, – оправдался я. – Имею право спать хоть до позеленения, – но все же встал с постели и отдернул шторы.

Вчерашние тучи растворились в ослепительной голубизне небосвода, сверху на асфальт и крыши гаражей позади дома густо лилось желтое тепло Солнца. Даже сильный ветер, неизменный спутник этого лежащего между горами края, как-то приутих, выдохнувшись за последнюю неделю. Вид слегка портили кривые ветки голых итальянских тополей, растущих вдоль дороги, напоминавшие о том, что весна еще не завладела миром. И лужи от вчерашнего дождя грязными пятнами лежали на дорогах. Но все равно такой ясной погодой природа впервые после хмурой зимы наградила город. Оставаться дома в такой день, спать до обеда, было непостижительно глупо.

– Ааа... тогда ладно, – протянул Дима. – Ты че трубку не берешь, а? Мы уже столько живописных версий твоей бесславной кончины придумали. Я к тебе домой вчера вечером заходил, хотел узнать, когда на поминальные пирожки заходить. А ты, оказалось, живой и бесстыдно топчешь эту землю по дороге с работы. Я даже разочаровался...

– Слухи о моей смерти распускают враги и завистники. Извини, я был не расположен к телефонным звонкам и встречам с друзьями.

– Да я понимаю, – тон Димы вдруг утратил всю задорность. – Короче. Ты сегодня на репу приедешь? Алекс хочет что-то важное сказать.

– А он не мог подождать один день? Я собирался кое-какие дела сделать. – Вопреки данному себе обещанию больше никогда не посещать репетиции, я все же сомневался в правильности такого выбора. Никаких особых дел на сегодня у меня не планировалось, но отголосок желания покончить с музыкой все еще управлял мной.

– До вечера не успеешь?

Я задумался, любуясь картиной за окном. Словно утренний сон, подробности которого уже почти забыты с пробуждением, в голове туманными картинками проплывали сцены ночного путешествия. Из всего происшедшего я отчетливо помнил только пламя костра, полыхавшего то ли в гуще деревьев, то ли где-то за колоннами в глубине храма. Эти сно-воспоминания пробуждали неясный страх, и я хотел поскорее зацепиться за реальность, чтобы избавиться от этого чувства.

– Успею, – наконец, я сдался. Впереди загоралось что-то радостное и перспективное. Вика навсегда ушла из моей жизни, так что теперь я мог дышать музыкой обоими легкими.

– Ништяк. Тогда сегодня в семь. Можешь даже чуть позже – Алекс постоянно опаздывает. Дима отключился, а я некоторое время еще стоял возле окна, греясь в солнечном свете.

Взаимоотношения мужчины и женщины – это замкнутая система, циркуляция энергии от минуса к плюсу. Мужская энергия стабильная, упорядоченная, уверенная. Мужчина смотрит на мир глазами логики, систематизирует полученные сведения, оперирует этой системой и по необходимости видоизменяет ее. Его энергия направлена на внешний мир. Другими словами, мужская энергия – созидаящая, движущая.

В женщине течет иная энергетика – она хаотична, переменчива, импульсивна и интуитивна. Женщина смотрит на мир глазами чувств и непрерывно следует за этим миром, прилежно повторяя все его повороты и пороги. Когда ей радостно – она смеется, когда ей грустно – она грустит. Попытки обуздать свои чувства, действовать под контролем разума, для женщины не фатальны, но крайне негативны в гормональном смысле. Это не ее стихия и нечего ей там делать. Когда женщина умна, амбициозна и властолюбива, это вносит вирусную программу в ее природу, возникают ошибки системы в виде депрессии, нервозности и даже истерии, что может привести к дальнейшим осложнениям физического и психологического здоровья.

Правильное взаимодействие этих двух потоков энергии – мужской и женской – обеспечивают качественные взаимоотношения. Женская сила питает мужчину, подбадривает его, восстанавливает, вдохновляет на продвижение вперед и созидание. Мужчина создает для женщины и обеспечивает ей благосостояние и твердое положение в социуме, что является неотъемлемой частью ее внутреннего спокойствия и беззаботности, которые женщина называет простым словом «счастье». Схема проста, но наивысшего эффекта достигает только при энергетическом равенстве. В этой системе нельзя отдать, не получая, и наоборот. Потому такая структура и называется *взаимоотношением*. Когда эта структура нарушена, можете смело называть свою близость *отношениями*, ибо кто-то из ее участников хочет оставить свою энергию при себе. В сумме положительно заряженные, счастливые люди организуют благосостояние внутри и снаружи всего социума.

Вика лишала меня своей силы, отказавшись поддерживать мое увлечение музыкой. И особенно тем, что старательно пыталась мне в этом деле помешать. Подозреваю, что и гитару она попросила только затем, чтобы дома у меня не было возможности сочинять песни. И ревность к увлечению тут совершенно не при чем – скорее всего она попросту не получала отдачи от меня в виде мужской покровительственной силы, не успевшей к тому времени проявить себя. Либо не видела этой силы в перспективе. Вика училась на юрфаке и собиралась сделать карьеру в прокуратуре или адвокатуре, и во мне желала видеть практичного карьериста, а не рокера-неудачника. Мы только отнимали друг у друга время, что и послужило причиной разлада.

Такие мысли посетили меня, когда я сидел на каменистом берегу Кубани, обливаясь солнечными лучами, и заворожено смотрел на грязно-бурный бег воды. Это место было сакральным для меня: здесь я отдыхал от городского шума, дышал чистым воздухом, освежал мысли. Было нетрудно поддаться желанию посидеть на берегу в такой чудесный день. У каждого человека должно быть место для уединения, где можно на время сбросить груз забот и переживаний, ведь тащить с собой без продыху жизненную ношу, словно верблюд Заратустры, самоубийственно.

Поначалу все мое нутро скручивало чувство псевдоодиночества, вызванное утратой Вики. Мир казался узким и сконцентрированным лишь на ней одной. Внутри распространялась пустота; я тратил энергию на жалость к своему внутреннему зверьку и уже чувствовал, что у меня не хватит сил даже на то, чтобы встать на ноги.

А затем черный волк поднял голову и взял ситуацию в свои когтистые лапы – чувства ослабли, а по телу будто пробежал холодок. Я словно оделся во вторую кожу, противоэмоциональную маску, защищающую от переживаний, – и сила перестала таять. Голова открылась для раздумий, я постарался найти объяснение всей нынешней ситуации и, кажется, добрался до него.

Когда мысли кончились, я, удовлетворенный итогом, ушел во внутреннюю тишину. Мелодия птиц, воды и шуршащего леса организовали мне погружение в медитацию, в которой я пропал на некоторое время.

Пришел в себя от шума голосов – радостные граждане спешили на пикник. Солнце перекапилось на верхушки деревьев, будто убегая от молочных облаков, приплывших с востока, и

угрожающе обогрилось – значит, ночью будет сильный ветер. Время приближалось к шести, пора было ехать на репетицию.

Отсутствие Алекса при полном наличии остального состава группы меня не удивило. Алекс приходил вовремя только два-три раза за все время существования «Скальда». Впрочем, я и сам часто появлялся лишь на несколько минут раньше него, отчего слыл «вторым по значимости членом команды». Ребята как всегда с нетерпением баловались со своими инструментами, казалось, недавний провал их нисколько не смутил. Возможно, они его даже не заметили, но скорее всего попросту пережили временные творческие трудности и были полны сил покорять новые вершины. В этом они, как ни печально признавать, превзошли меня.

– Ты живой? – спросил Дима, когда я задумчиво разматывал длинный провод микрофона. От неожиданного вопроса тот выскользнул из рук.

– Пока да. А что?

– Я говорю, Вику твою сегодня встретил. А ты – ноль внимания.

– Эмм... И? – недоуменно протянул я.

– Вы что, разошлись с ней?

– С той, художкой? – вмешался в разговор Сергей. Я бросил на него острый взгляд. Сергей смутился, явно ляпнул не подумав, и принялся выдавливать медиатором из гитары грохочущие звуки.

– Разошлись, – недовольно ответил я. Недовольно – не от самого признания, а оттого, что кто-то лезет в мои личные дела. Однако Дима подумал про первое.

– Ты просто сам не свой, отстраненный какой-то, – участливо пояснил Дима. – Я понимаю, не мое дело, но если хочешь чем-то поделиться... Может, тебе помочь как-то... не знаю... Или тебе лучше пойти сейчас домой, как-то переосмыслить, пережить все это... Сам понимаю, не каменный.

– Я в порядке.

Попытка Димы как-то проявить участие, позаботиться, подсказать что-то вызвало всплеск негодования внутри, не смотря на понимание его дружеских мотивов. Как будто я сам не могу разобраться во всем этом! Эго ярко взорвалось внутри, сметя задумчивость и оставшееся после медитации умиротворение. Эго требовало выхода, желало проявить себя, чтобы никто не смел смотреть на меня с той жалостью, с какой смотрел в тот момент Дима. Настроение внезапно изменилось, хотелось показать всему миру свою силу, свою необычность, чтобы все это поняли и восхитились.

– Давайте пока сыграем, – предложил я. – Один фиг делать нечего. – Подключил микрофон и дунул в него, наполнив комнату резким и неприятным шумом.

Никто не возражал. Репертуар у нас был невелик, так что долго выбирать не приходилось. Мы остановились на «Балладе о любви и смерти» – это была новая композиция, еще не обработанная до конца, но уже снискавшая ярлык одной из любимых.

Три удара по тарелке. Сергей заиграл «восьмеркой» на гитаре. Через несколько тактов к мелодии присоединились басы Димы. Я начал после репризы, кошмарно фальшивя из-за отсутствия распевки, но через несколько фраз взял голос под контроль, и аккуратно вклинился в игру.

На прошлой, провальной репетиции, музыка и текст «Баллады» казались полным абсурдом, не стоящим того, чтобы его когда-нибудь услышали. Мы не сознавали, зачем делаем то, что делаем, сравнивали свои работы с творениями мастеров, находили их несоответствующими и посему погружались в уныние. Теперь я знал: если движение Судьбы привело меня сюда, значит это необходимо. Значит нужно отбросить сомнения и выложить все силы, чтобы наши мысли материализовались в полном объеме.

Я закрыл глаза. Музыка теперь воспринималась иначе – сквозь меня проходили ноты и вибрации, я чувствовал мелодию всем телом. С этим не сравнится ни один спорт на свете:

несколько музыкальных инструментов создают такую гармонию, настраиваются на единый лад, на одну волну, что разделить их уже невозможно. Это настоящий кайф – чувствовать музыку, словно нечто осязаемое, окутывающее со всех сторон, и в то же время понимать, что это ты создаешь ее. Держишь ноты у себя в руках, черпаешь из них силы и выпускаешь в мир...

А перед закрытыми глазами рисовалась картина.

Я держал Вику за руку на скалистом обрыве, за которым лишь багряное небо и яркая звезда ослепительно-синего цвета. Ее излучение необыкновенно. Свет настолько красив и яркий, что заполнял собою нас изнутри, даровал надежду на спасение. Мы прыгнули с обрыва на сияющий луч, но страх и сомнение подломили твердь под ногами. Бесконечное падение, ужас от неудачи и увиденного по ту сторону безграничного пламенного океана, ждущего нас внизу, поначалу сковали сердце, а затем породили отчаяние. Неумело, но с возрастающей решимостью, мы поднимались ввысь по хрупкому как лед, блестящему серебром воздуху...

Я разомкнул веки лишь когда смолкла последняя нота. Первое, что бросилось в глаза – Алекс, стоявший на пороге и так и застывший со спортивной сумкой в руке. Я оглядел ребят – те непонимающе уставились на «директора».

– Привет всем, – голос Алекса настолько резкий, словно из другого мира, вывел нас из нирваны. – А что это только что было?

Мы озадачено переглянулись.

– Что вы хапнули перед репетицией? Признавайтесь! – глаза Алекса искрились, он едва удерживал смех. – Я тоже так хочу!

– Чего ты хочешь? – не понял Сергей.

Алекс обвел нас блестящими глазами, его лицо излучало радость.

– Хапнуть... Да ладно, шучу я! Просто я никогда не слышал, чтобы вы так слажено играли и подумал, что без допинга тут не обошлось. Еще по коридору иду, слышу что-то знакомое, думаю, мои пацаны издеваются над инструментами, прислушался – да нет, больно четко лабают. Захожу: стоят четыре персонажа, оттягиваются, да еще глаза закрыли, маэстро из себя строят. Как зашел, так и стою, заслушался. Отвлекать не хотелось.

– Сударь, вы льстите, – неуверенно сказал Дима.

– Отнюдь, – возразил Алекс. – Когда вы что-то хорошее от меня слышали?

– И то верно, – подтвердил Сергей. – Ты вечно чем-то недоволен. То тебе тональность не нравится, то транспонировать давай все подряд, то крещендо добавьте... Тьфу, слова такие, произносить страшно – вдруг демона вызову...

– Сейчас я ничего менять бы не стал, – улыбнулся Алекс.

– Слава богу! – Сергей всплеснул руками, стараясь показать облегчение, но на самом деле просто прятал в себе чувство торжества.

– В общем, я был сегодня в Ставрополе, – объявил Алекс. – «Железное радио» набирает группы для фестиваля. Нужно будет пройти прослушивание, и тогда они решат, допускать нас или нет. Тем, кто им понравится, организаторы обеспечат запись альбома. Такие вот новости. Так что готовьтесь. Через два дня поедem. Кстати, вы же «Балладу о любви и смерти» играли?

Мы утвердительно кивнули.

– Помнится, аранжировка у нее совсем сырая была... Но звучит круто! Мне понравилось. Вот эту песню мы и будем играть на прослушке.

Глава 5

Вика тоже увлекалась роком. Но считала, что смешивать это увлечение с практической деятельностью глупо и невыгодно. Вика говорила, что рок – это музыка тинэйджеров и тех, кто, уже войдя в зрелый возраст, все еще страдает максимализмом. В остальных случаях – это лишь финансовая ниша, основанная на юношеских мечтах. Ее мнение сформировала одна статья из журнала, посвященная подросткам. Вот отрывок из нее:

«Нет сомнений, что бунтарский характер рока происходит от естественного явления переходного возраста у подростков. Желание независимости, желание взрослости, желание покинуть опеку родителей порождает в нем бунт против устаревающего детского мира с его правилами и нормами. В этот период подросток неосознанно бежит от взрослых, чтобы самому повзрослеть, занять свое место в социуме, поэтому перенимает у него все атрибуты, как ему представляется, зрелости: алкоголь, секс, политическую позицию и прочее. Естественно, такие атрибуты носят искаженный характер, существующий в воображении вчерашнего ребенка как верный и само собой разумеющийся. Свое утешение, отдушину, подросток и находит в роке, наделяя его своей молодой энергетикой.

Со временем процесс становления личности заканчивается. Человек укореняется в обществе понравившейся ему идеологией, податливый мозгопластелин приобретает необходимую диктаторам форму, траектория движения индивида по жизни большей частью уже намечена. Ему становится комфортно в своем коконе, смысла продолжать бунт больше нет. Новый характер поведения человека направлен на упорядочивание окружающего мира, создание своеобразного гнезда для потомства. Возмутитель всякого порядка, рок уступает место чему-то традиционному, общепринятому, законному. Человек больше не намерен конфликтовать с обществом, бессознательно опасаясь за жизнь и здоровье потомства. Это не глупо и не позорно, это диктуется стадной природой человечества, вынужденного выживать в условиях социума. Человек проходит через хаос ради обретения порядка».

Дорога в Ставрополь занимала около получаса времени. Вся пятерка, кроме Алекса, – он вел свою «двенашку», – вольготно развалилась на сидениях. Динамики разрывала мягко шарахающая по ним музыка. Мне всегда было интересно, почему в плей-листе Алекса звучали только классические команды: «Aerosmith», «Queen», «Nazareth», «Deep Purple», «Кино», «ДДТ». Конечно, команды эти отличные, но все-таки для современности они уже не подходили, и слушать их можно было только в целях обучения, как изучают историю в школах. Своими мыслями я поделился с Алексом. Он сделал музыку тише и на несколько секунд задумался.

– Так и есть, эта музыка – уже история, – сказал Алекс. – Этим и интересна классика. Тем, что является основой становления какого бы то ни было сектора искусства. Например, когда люди всерьез увлеклись письменностью, появилось множество писателей, поддавшихся движению моды. В это время было написано огромное количество трактатов, повестей, поэм и так далее – до этого момента столько никогда не писали. Естественно, среди них появлялись новые идеи, которые еще никто не высказывал, новые сюжеты, до которых еще никто не додумался. – Я сидел позади, прямо за его спиной, что несколько мешало беседе, вынуждая Алекса то смотреть на меня в зеркало заднего вида, то слегка поворачивать голову вправо. – Для удобства всю эту литературную кашу нужно было систематизировать, расставить по полочкам, и тогда придумали общие правила написания, разделили жанры и стили. Так же рассматривалось, что становилось популярным, а что нет. Не популярные произведения отсеивали, популярные изучали и по ним учились дальше. Такую систему впоследствии назвали классикой, то есть эталонной.

– Ты сейчас говоришь об эпохе Возрождения? – спросил я.

– Нет, о Древнем Риме. Эпоха Возрождения потому так и называется, что возрождала традиции Рима, – пояснил Алекс. – Классикой является римское наследие.

– То есть, все современное искусство – это пережитки Рима? – поинтересовался Сергей, сидевший рядом со мной. Наш с Алексом разговор заинтересовал остальных членов команды. Мы редко вели беседы на какие-то серьезные темы, обычно занимались болтологией, чтобы забыть скучную тишину хоть какими-то звуками. Алексей в свое время набрался многим умностям в школах искусств, так что иной раз его интересно было послушать.

– В большинстве своем, – согласился Алекс. – Исключение составляет народное творчество.

– По-моему, между «Илиадой» и «Гарри Поттером» большая пропасть, – заметил Сергей.

– Принадлежность современного искусства к Риму обуславливается общей формулой построения произведений. А звучать они могут по-разному. Кстати, «Илиада» – это поэзия, а «ГП» – проза.

– Вот смотри, – Сергею захотелось поспорить, аж глаза горели. – Откуда берет начало рок? Из блюза, буги-вуги, джаза. А все это чисто африканские стили, основанные на их людоедских ритуалах. Получается, рок – детище народной африканской музыки, а не римской.

– Рок был бы африканским, если бы до сих пор исполнялся африканцами, – возразил Алекс. – А когда белые парни из Европы и Америки переняли негритянскую музыку, они добавили туда своего темного римского прошлого и привели к надлежащему стандарту.

Сергей порывался еще что-то сказать, но я его опередил:

– Почему римское прошлое темное?

– Да потому, – как-то резко и недовольно ответил Алекс. – Ты думаешь, классику так распространяли, чтобы людям кайфово устроить? Людям кайфово было свою народную музыку слушать. А распространяли римское искусство затем, что оно остандарчивает мышление. Делает мнение людей одинаковым путем популяризации. Не зря же римляне столько времени провели за исследованием психологии, обществознания, философии, политики, астрономии, истории. Учились красноречию, развлекали театрами и гладиаторскими боями. Строили дворцы и парили мозги обывателей Олимпийцами. Средневековые господа смекнули что к чему и под ширмой Просвещения, Свободы и Науки выкатили на политическую сцену клетку демократии – а ведь это грандиозное порабощение! Вы думаете, Римская империя развалилась? Нихера! Она уже захватила Европу и Америку, а теперь тянется на Восток. Это культурная война! Россию она много раз пыталась завоевать, еще до Петра, но свою последнюю крупную победу постримляне одержали в конце восьмидесятых, уничтожив СССР и установив для России дань, как для одной из своих провинций. Врубитесь: сейчас миллиарды рабов по всему миру живут, даже не подозревая о своем рабстве! Ведь их даже не заковывают в кандалы, им всего-навсего морочат голову! – в пылу своей тирады Алекс так завелся, что совсем перестал следить за дорогой. «Двенашка» незаметно перекадилась на встречную, впереди испуганно заорал клаксон.

– Алекс! – вскрикнул, вжавшись в кресло сидевший впереди Игорь, но Алекс к тому моменту осознал свою ошибку и вырулил на место. Справа от меня раздался нервный смешок. Алекс вытер пот со лба.

– Я раньше думал, что это церковь устанавливала рабское общество, – через некоторое время сказал я. Алекс удивленно глянул в зеркало заднего вида – казалось, он уже забыл о разговоре. Или удивился тому, что я все еще его продолжал.

– Церковь в этом плане невинный ребенок по сравнению с массовой культурой. В Средние века между просветителями и Церковью шла настоящая война за первенство, в те времена только Церкви разрешалось морочить головы. Тогда она организовала инквизицию и вырезала несогласных. В итоге голубоглазые мечтатели одержали победу, организовали революцию,

соорудили демократию, а Церковь унизилась до глупого бизнеса. Со временем просветители и священникам хорошенько промыли мозги.

– Вообще-то, мозги промывает не массовая культура, а СМИ, – ехидно изрек Дима.

– Вообще-то они работают в паре, – не смутился Алекс. – Человек в подавляющем большинстве своем существо неглупое – это факт. Он постоянно мыслит, думает, решает. Впарить что-то в и без того уже забитую своими думами голову очень проблематично. Значит, необходимо эти мысли оттуда изъять? Вот, например, как это происходит: ты приходишь вечером домой с работы, ужинаешь и падаешь отдыхать под телек. Ну, или садишься гамать в компьютер. Или открываешь «фастфудную» книженцию. Не суть. По телеку часов в семь-восемь включают какой-нибудь блокбастер с просто нереально закрученным сюжетом и офигеть какими спецэффектами. Либо это чересчур сопливая драма или жопо-сисечная комедия – на твой вкус. Главное, чтобы ты весь и полностью отстранился от своих будничных проблем, размышлений и лицезрел очередной шедевр киноиндустрии. Соответственно, голова у тебя на время опустошается от личных мыслей и наполняется каким-то выдуманым режиссерским миром, как мотивчик надоедливой песни. Он иллюзорен, да, ты это понимаешь, хоть за время просмотра уже успел «заразиться» какими-то простейшими вирусами вроде патриотизма, «американской мечты», доступного секса... и в любой момент готов вернуться в реальность. Но дело сделано – какое-то время ты ходишь под впечатлением от фильма, обсуждаешь его с друзьями, и на это время думать не думаешь о своих личных делах. И тут по тому же телеку в новостях, рекламе или докфильмах, радио, интернета, из рекламного щита или газеты на тебя набрасывается какая-то информация и занимает пустое место в твоей голове. Эта информация легко укладывается и становится как будто твоими собственными мыслями. С этого момента ты начинаешь думать иначе – в том направлении, в котором тебя «ведут».

Несколько минут ехали молча. Затем Алекс снова продолжил:

– Я потому и увлекался больше фольклором, чем другими жанрами. И для нас выбрал такое направление. Но от воспитавших меня рамок все же не могу выйти. Современный фолк – это не истинно народная музыка, это тоже отголосок классики, – было видно, что ему неприятно это говорить. – Настоящая народная музыка мало кому интересна. На ней не заработаешь.

– А на роке заработаешь, – фыркнул Дима.

– На любой попсе можно заработать, – меркантильно ответил Алекс.

– Рок – это не попса! – возмутился басист.

– Любая массовая культура – попса, – парировал Алекс. – А рок еще и рекламирует себя как антипопса. Это его вдвойне поповит.

– Почему? – поинтересовался я.

– Потому что запретный плод сладок, – туманно ответил Алекс с улыбкой. Кажется, ему доставляло удовольствие умничать с нами. – Люди идут на рок-концерт, потому что уверены в его непопулярности. К тому же рок агрессивен, что тоже немаловажно для основной его публики – тинейджеров. Маркетинг!

– Не согласен, – возразил Дима. – Я считаю, рок стремится к свободе личности. Разве нет? Какие здесь могут быть традиции Рима?

– Рок выпитал в себя качества, которыми не обладает «легальная» сцена: душевность, агрессия, отсутствие финансовой выгоды, свобода, любовь и так далее. Выпитал, афиширует, но редко использует. Бюрократы понимают, что недовольные их режимом будут всегда, но в современных условиях оппозиция нуждается в серьезном финансировании. И если самому государству не заняться этим вопросом, оппозицию в России будут финансировать иностранцы. А это уже влияние на внутреннюю политику страны в интересах потенциального врага. Поэтому наряду с основным загоном для послушного народа напротив строят загон-дублер, чтобы аккуратно складывать туда оппозицию: неформалов, сектантов, анархистов, педофилов, террористов, некромантов и прочий сброд. Оппозиции там комфортно, ей дают вдоволь

орать, ругаться, собирать митинги, ломать гитары на концертах, стебаться над овцами в соседнем загоне. Ее там вовремя кормят, вовремя гладят, вовремя сажают и вовремя отпускают. Короче, загон-дублер – это комната с боксерскими грушами, напичканная камерами слежения, где оппозиция срывает свою злость. Как итог – на реальные действия радикалы становятся не способны. Это называется свободой слова.

– Я слышал, в японских компаниях есть комнаты для снятия стресса, – вставил молчавший до сих пор Игорь. Именно оттого, что он так долго не проронил ни слова, его слушали с удвоенным вниманием. – Там есть боксерские груши с портретами начальников. Когда начальство выведет какого-нибудь работника из себя, тот идет в эту комнату, молотит грушу и довольный возвращается на место.

– Да, – кивнул Алекс. – С одной стороны это щит от вмешательства других государств во внутренние дела России, а с другой – порождает однополярность власти. Власть становится диктатом, не получающим народного отпора. И это не только у нас.

Мы уже покинули трассу, и некоторое время двигались по Ставрополю. Похоже, Диму порядком утомила эта беседа, Сергей был задумчив. Игорь с интересом глядел по сторонам. Алекс, решив, что разговор окончен, накрутил громкость на автомагнитоле.

– По-моему, та музыка, которую ты слушаешь, противоречит тому, что ты только что рассказал, – возразил я.

– В том-то и проблема, – вздохнул Алекс. – Я слушал эту музыку в детстве и теперь не могу от нее отделаться. Она мне кажется самой лучшей.

Я слушал надрывы Фредди Меркьюри из динамиков и боялся, как бы сегодняшние откровения Алекса не подействовали так же, как недавно на меня подействовало воспоминание о статье про мертвый рок в России. Алексу не следовало такое говорить незадолго до выступления, такие речи убивают воинский дух. Он не хуже меня должен понимать, что грядущий фестиваль – хороший шанс для начинающих музыкантов быть услышанными, в прямом и переносном смысле. Тем более, концерт будет разбавлен более солидными группами, уже снискавшими славу на большой сцене, и на их фоне игра новичков должна выглядеть не менее уверенной. Алекс как будто прочитал мои мысли, и после того, как припарковал машину, он посмотрел сначала на Игоря, затем заглянул за спинку своего кресла, где сидели я, Сергей и Дима. Затем смерил наши лица острым взглядом и с сожалением заметил:

– Кажется, я вам много лишнего наговорил.

– Не понимаю, Алекс, почему ты заморачиваешься, если не сможешь ничего изменить? – спросил Сергей. – Рабу плохо не от того, что он раб, а оттого, что он понимает это. Может быть, на самом деле нет никакого рабства, просто ты наслушался всякой чертовщины?

Алекс хотел было промолчать и наконец покинуть автомобиль, о чем я мысленно очень просил его, но с тяжким вздохом он снова заглянул на пассажирское сидение. Его взгляд был усталым, серьезным и сконцентрированным.

– Ты знаком с математикой? – осведомился Алекс. Сергей кивнул. – Так вот, твое предположение в условиях бюрократии похоже на математическое уравнение с кучей скобочек. Тебе нужно найти «икс», чтобы решить задачу. Ты подставляешь вместо «икса» разные числа и проверяешь результат. Когда ты уже почти готов решить уравнение, кто-то ставит твой «икс» в скобки и возводит в степень «игрек». Теперь ты вынужден искать еще и «игрек». И так без конца. Вот так и обрабатывает твое сознание современная власть.

В этот день я усвоил одну вещь: насколько бы крутыми не были «AC/DC» или, например, «Pink Floyd» для выросшего на песнях Шаляпина или звуках там-тама они навсегда останутся хаотичным шлаком.

Глава 6

Парковка рядом с древним, пережившим революцию зданием, была густо забита машинами. Это был красно-белый двухэтажный дом, с грубыми лепными узорами и рисунками по всему фасаду и шиферной крышей. Краска на стенах сравнительно новая, но было ясно, что свой внешний вид здание сохранило еще со времен царя Гороха.

Возле парадного входа, на клумбах, на лавочках, под окнами толпилась куча народу, съехавшегося со всего Ставропольского края. Разноцветные ирокезы, косухи, эмо, банданы, шипованные браслеты, гитары, татуировки, пирсинг, яркие, кричащие картинки на черных футболках, бороды – все это смешалось в одну пеструю кучу, ожидавшую своего часа. Сотни полторы музыкантов втиснулись в небольшой дворик, огражденный старым кирпично-кованым забором.

Мы покинули «двенашку». Гитаристы достали из багажника свои зачехленные инструменты. Я помог Алексу стянуть его синтезатор с багажника на крыше.

– Надо будет микроавтобус приобретать, – бубнил во время разгрузки наш «директор».

В девять часов утра массивная деревянная дверь «Железного радио» чуть приоткрылась, выпустив девушку небольшого роста с бумажным листком в руке. Гул во дворе приутих. Запинаясь, начиная несколько раз заново фразу, девушка прочитала на бумажке что-то заковыристое на английском. Ей откликнулась бородатая группа в косухах, музыканты широкими шагами пересекли двор и скрылись за дверью.

– Ждем-с, – зевнул Алекс.

Время шло. Команды приходили и уходили. Контрольно-пропускной пункт отечественной рок-индустрии казался безжалостным: количество групп, выходящих из парадной двери с ругательствами и хмурыми физиономиями, довлело над счастливыми со светлыми «пропусками» на лицах.

Во дворе чувствовалось волнующее напряжение, хотя вокруг шутили, смеялись и разыгрывались. Матерые неформалы в бородах и косухах звенели пивной тарой, а молодняк клепал селфи на смартфоны, пользуясь случаем такого диковинного сборища. Музыканты гуляли по все больше заливаемому Солнцем дворику, что-то мурлыкали себе под нос, поигрывая на гитаре, или ходили налево-направо, молотя по воздуху и по всем предметам, до которых можно дотянуться, барабанными палочками.

Если подойти к торцу здания, можно было слушать приглушенный стенами музыкальный шум, доносящийся откуда-то со второго этажа. Несколько человек разместились на углу, обсуждая игру конкурентов. Кое-где возникали пьяные стычки. Объявляющая команды девушка всем уже привыклась, ее появление встречали радостными криками и улюлюканьем, на что она только мило улыбалась.

– Мы так до вечера тут проторчим, – жаловался Дима, поглаживая пустой живот.

– В этом есть свой плюс, – заметил Сергей, – к концу отбора жюри устанет и будет пропускать всех подряд, лишь бы не насиловать уши.

– Или наоборот – наберут, сколько надо, и закроют лавочку, – предположил Дима.

– Вряд ли, – Сергей покачал головой, – слишком мало групп они утвердили. Первые позиции – самые невыгодные, тогда жюри еще не знает, что их ждет дальше и оценивает очень субъективно. Главное – продержаться до обеда. Сытое жюри станет добрым, и тогда у нас будет больше шансов. А до обеда они нетерпеливы и хотят поскорей избавиться от группы.

Времена гаражного рока прошли. Если раньше команды собирались в гаражах и подвалах, тащили туда гитары, колонки, провода и барабаны, чтобы хоть как-то иметь возможность петь о свободе, то теперь, имея даже небольшое финансовое подспорье, нет необходимости лишней раз создавать для этого новую инфраструктуру. Достаточно обратиться в какой-нибудь

дом культуры, студию или музыкальное учебное заведение, чтобы тебя снабдили почти всем необходимым. Рок стал доступным. А это значит, что сцену заполнили корявые звуки.

Мы стояли возле парадного входа, где Алексей встретил своих друзей по колледжу и удалился с ними в воспоминания, а мы напряженно ждали своей участи.

При близком рассмотрении стены здания казались ненадежными: их сплошь покрывали тщательно замазанные трещины. Я подумал, что это самое неподходящее место для децибельной музыки. Но, несмотря на свою ветхость, здание радио вызывало уважение – как вызывают его девяностолетние старики, глядя на которых задумываешься, через какие дебри им приходилось лезть в своем стремлении жить, какие эпохи проводили они в небытие прошлого своими уставшими от вранья глазами, какое огромное количество событий произошло в их долгой жизни. Ценности, мораль прошедших времен уже мертвы, а эти люди все еще живы. Неужели это не доказательство того, что нет ничего истинного и бессмертного в придуманном человеком?

– «Скальд»! – крикнула девушка.

– Пошли! – скомандовал Алекс, мгновенно оторвавшись от беседы со знакомыми.

Мы прошли входную дверь и поднялись по парадной лестнице в холле вслед за девушкой. Проводница остановила нас возле двери на втором этаже сразу напротив лестницы, затем заглянула внутрь и через несколько секунд широко распахнула перед нами дверь.

Мы оказались в небольшом актовом зале с потертыми креслами, люминесцентными светильниками под потолком; невысокие, но широкие окна скрывали вертикальные жалюзи. За длинным столом с монитором, перед небольшой сценой, сидели шестеро серьезных людей: четверо мужчин и две женщины, коротко кивнувшие ответом на приветствие. Кто-то наблюдал поверх очков за спешными приготовлениями группы, кто-то безразлично переговаривался с соседом, и лишь после представления команды и названия композиции решили обратить на нас внимание.

Слева от жюри на штативе стояла камера, что еще больше подчеркнуло серьезность происходящего и заставило нас немного понервничать.

Три негромких удара по тарелкам задали ритм и одновременно отсчитали три секунды до старта. Вместо четвертого удара заиграла гитара Сергея, чуть позже к нему присоединился Дима. Куплет и партия Алекса начинались одновременно.

Перед тем как запеть, я попытался утихомирить рвущееся из груди сердце, закрыв глаза и глубоко вдыхая. Сердце успокоилось очень быстро, вдобавок я ощутил некоторую связь с музыкантами – она невидимыми нитями тянулась откуда-то из их груди к моим пальцам. Эта связь была точно такая же, какую я наблюдал на остановке с Викой и Антоном. Только на этот раз я не видел периферию сцены, а был внутри нее и чувствовал текущую по каналам энергию. Стоило открыть глаза – и это чувство сразу исчезало, оборванное мешаниной предметов вокруг нас.

Динамики по бокам сцены гудели, передавая полу вибрации. Эти вибрации поднимались по моим ногам, заполняя все тело мягкой энергией, перетекавшей впоследствии через кончики пальцев к остальным музыкантам. Я чувствовал, как они успокаиваются, напряжение спадало, их обволакивало плавное течение силы. Это была еще неизвестная мне циркуляция энергии, получаемая мной от ритма и мелодий и возвращаемая музыкантам. И чем расслабленней они были, тем свободней позволяли этой энергии проходить сквозь себя, не создавая препятствий, и тем больше скапливалось неизрасходованной энергии. Нити избыточной энергии впоследствии делали виток вокруг сцены и ложились на незримую сферу вокруг музыкантов, образуя светящийся клубок. Все эти невидимые метаморфозы я чувствовал с закрытыми глазами, не ощущая пульса времени, но и не покидая настоящего.

В дорожной харчевне

Было дымно и людно –

*Сюда я приехал усталый.
Здесь было веселье,
Напиться нетрудно, –
И я опрокинул немало...
Вдруг двери открылись,
Зашли в зал бродяги,
К владельцу втроем попросились,
И вскоре вернулись,
Хлебнули чуть браги,
На стол большой взгромоздились.
Тут струны запели,
Вокруг все примолкли,
И песнь стали петь менестрели.*

Началась песня довольно неуверенно, скованно, но каждая прозвучавшая нота словно влиwała новых сил. Клубок энергии все рос, и вот уже сфера поглотила стол жюри, подмяв их под свое влияние, – я видел, как их сопротивление ломалось.

*В далекой стране,
Между гор и небес,
Стоял ослепительный город.
И там, в тишине,
Где кончается лес,
Царил обжигающий холод.
И парень сидел
У сырого бугра –
Землей скрыто тело любимой.
А он все сидел,
Все сгущалась мгла...
Вот ночь пронеслась над могилой.
Но парень сидел, вспоминая о ней,
При свете первых еще блеклых лучей.
Музыка крепла, начиналось крещендо.
Поднялся,
Взглянул в небеса
И в небо он крикнул сквозь слезы:
"О, боже! я клялся,
Ей глядя в глаза,
Что смерть разлучить нас не может!"
Тут вынул кинжал,
Свое сердце пронзил,
На землю упал уже мертвый.
И вдруг оказался он среди скал,
И взгляд ее – грустный, холодный:
Она говорила о вечном, о главном,
К Звезде приближаясь плавно...
Музыка притихла. Диминуэндо.
Он взял ее руку,
Подумал немного,
И прыгнул со скал на свет божий –
Блаженный лик Духа*

*Стелил им дорогу.
Внизу злилось Адово Ложе:
Упали сквозь стены –
В пылающий ад,
Но ветром их вдруг подхватило;
Заботливым пленом
Манило в Каскад,
Где Солнце над раем кружило...
Смеялись, играя, слугители ада
И ангелы – воины Расплаты...
Отказав Небесам,
Устремились к Звезде,
Взбежали на первый луч воли.
Сверкнула гроза,
Но не как при дожде,
И слышны в ней – загробные вопли...
Исчезло вдруг все,
Остался лишь свет,
Что их нес на лесную поляну.
Окончился сон;
Просыпался рассвет,
Затягивал темную рану.
И тихо закончили:
А на поляне обнимались двое,
И никто уже не смел нарушить их покоя...*

В себя мы пришли только на свежем воздухе. То, что происходило после прослушивания, как-то вскользь задело память, оставив только силуэты и неразборчивые фразы. До сих пор чувство эйфории держало нас, кружило голову, а в ушах гремела музыка.

Тишина и свежий воздух быстро привели нас в чувство. Гитаристы жадно дымили сигаретами, думая о чем-то своем. Первым нарушил молчание Алекс, видимо посчитав, что ему сейчас следует что-нибудь сказать в честь приглашения на фестиваль в качестве исполнителей:

– Ну, что, поздравляю всех...

– Вот у меня такое чувство, будто я проспал всю прослушку, – перебил его Сергей. – Вырубился в самом начале, витал где-то, сны видел... а потом проснулся уже на улице с сигаретой в руке...

Сергей с надеждой посмотрел на остальных. Как будто ждал какую-то подсказку или поддержку.

– Выспался хоть? – невесело спросил Дима. Сергей с досадой покачал головой.

– Странно, – задумчиво произнес Игорь, – а меня прям такой драйв охватил, будто энергетика выпил и еще «дунул» сверху. Так круто было, глаза закрываю, барабанов не вижу, но... как будто еще две руки выросли и молотят... ни разу не сбился. Фиг знает, что это было...

– Да-а... – непонятно протянул Дима.

– Я думал, меня одного эта блажь накрыла, – сказал Алекс. – Видел, конечно, на репетиции вы по очереди отключаетесь так, да и мне тоже интересно стало. Глаза закрываю, а там... бурлит все, весь воздух живой... Не знаю, как объяснить. А главное удивляет, что не сбиваешься, пальцы отдельно работают, на автомате, сами куда надо становятся. Но вот когда попытался понять, что это такое, сразу в пальцах запутался. Глаза открываю, лажаю-ю... Понял, что концентрироваться на этом надо, образ мелодии держать, а тело уже само работает. Конечно, понятно, мышечная память, но какая-то... не своя.

– Когда глаза закрыты, слух обостряется, – сказал я, и тут же все испытывающие взгляды сошлись на мне. – Посторонние вещи не мешают, и начинаешь концентрироваться только на музыке. Если с открытыми глазами создавать какой-то зрительный образ, то он накладывается на то, что мы видим перед собой, и становится уже искаженным. А с закрытыми глазами этот образ ложится как на чистый лист, не засоренный посторонними вещами. Наверно что-то вроде такого должны испытывать слепые, когда приходится видеть мир ушами. Слух становится... четким. Я вот даже... осязаю музыку наверно, она как дрожь по телу проходит. И каждое слово отражается образом в голове. Любая песня становится картинкой. Раз уж мы создаем образы, которые воспринимаются только слухом, то и творить должны эти образы... как бы ушами.

Я замолк, задумавшись, и на некоторое время повисла тишина. Только когда прогоревшая до фильтра сигарета Димы обожгла ему указательный палец и он вскрикнул, ребята вышли из раздумий.

– Вы двое, – Дима обвиняющее ткнул обожженным пальцем поочередно в меня и Алекса, – мне за сегодняшний день мозг поломали.

Мы ничего не ответили. Алекс выключил сигнализацию и открыл багажник.

– Твою мать! – неожиданно вскрикнул Сергей, глаза его испуганно забегали. – Я там гитару оставил! – и огромными шагами побежал к деревянной двери, расталкивая по пути музыкантов. Диму тут же от смеха скрутило так, что он упал на колени на грязный асфальт.

Глава 7

Два месяца спустя мы отыграли на долгожданном концерте. Ничего феерического, глобального и красочного на нем не оказалось, да и само название «фестиваль» для этого события громко звучало. Скорее это был типичный для провинции рок-концерт с дилетантским исполнением пары десятков команд на площади в центре Ставрополя, повторяющийся раз в год примерно в одно и то же время. Большую часть расходов на организацию праздника неформалов взяло на себя Министерство культуры – вроде как годовой отчет о проделанной работе музыкальных организаций, – хотя в списке спонсоров значились только ЧП.

Никакие знаменитости на концерте так и не появились. Единственным значимым моментом явилось то, что группа «Скальд» в этот день впервые вышла на сцену. Пока еще неумело, от волнения сбивались, куда уж там сосредоточиться, но ближе к концу все-таки разыгрались, взяли себя в руки и закончили так, что народ на площади перестал засыпать пьяными криками округу и молча дождался последнего аккорда. А когда наконец толпа зашевелилась, загудела, до сцены донеслись одобрительные крики.

Это чувство мы испытывали впервые – благодарность публики, и это оказалось настоящим подарком. Захотелось ощущать его снова и снова. Тогда нам стало понятно, для чего мы сочиняем свои песни – именно для таких вот моментов.

Как в тумане запомнился спуск со сцены и разговор с одним из организаторов, предложившим нам записать альбом в студии «Железного радио». Он почти с ходу посоветовал сменить название группы, обзвав «Скальда» именем бледным и невыразительным, к тому же ссылающимся на своего старого польского тезку.

На следующий день после фестиваля команда занялась подбором песен для альбома. После беглого осмотра нашего репертуара мы решили изменить аранжировку на половину тем, чем и занимались около недели. Требовалось также сочинить еще пару композиций для полноценного альбома, так что на мою голову взвалилось сочинение текстов.

Когда мы только начинали играть, песни в основном создавались из стихов. То есть, сначала писались стихи, затем на них накладывали музыку, в итоге композиции получались однообразными из-за одинаковости стихотворных размеров, так как между нами не было настоящих поэтов. Только я дружил с рифмами, но не владел ими. В какой-то момент все изменилось – Сергей насочинял целую кучу мелодий, а текстов был полнейший дефицит.

Была уже глубокая ночь. Я сидел на кухне, пытаюсь уровнять рифму одной строчки с другой, но расчет не получался. Трудно писать на заказ, а утром надо представить итог своего мозгового штурма друзьям для синхронизации с музыкой. Конечно, это при условии, что коллеги не сразу забракуют мой шедевр, с них станется. Проходили часы, на ум ничего стоящего так и не приходило. Куда же делось то время, когда стихи вылетали из меня пачками?..

Я со скептицизмом перелистывал старые тетради – ничто из этого не подходило для серьезной работы. Но ведь что-то недавно было во мне, оно дарило уже готовые строчки, заставляло неметь комиссию, покорило публику на концерте... Оно где-то здесь, только протяни руку...

Неужели это была Она?

Тьма?

Тьма молчала. Молчала уже долгое время, с тех пор как я отказался входить в Храм. Как-то я подумал, что Она обиделась, но тут же выбросил эту мысль из головы – Тьма не способна обижаться, Она не биологический организм. Правда наличие у Нее имени, особенно стоящее в женском роде, иногда заставляло забывать об этом, и я неосознанно приписывал Ей женские черты.

Это Ты? Ты направляешь меня?

Конечно, это была Тьма. Это Она питала меня своей силой. Сразу же после ухода Вики из моей жизни связь с Тьмой окрепла, но не настолько, чтобы вернуться на прежний уровень.

Трюк с управлением человека больше не срабатывал: я как-то попробовал околдовать таким образом директора магазина, в котором работал, но ничего не вышло. Родилась уверенность, что для этого необходимы какие-то особые условия и установленное в определенной точке осознание, а не просто глупое диктаторское желание. Что-то мешало вернуться в эту точку, несмотря на все Ее усилия. Наверно, пресловутая социальная блокировка, наследство римской стандартизации. Это даже к лучшему – пускай блокирует, лишь бы помощь Тьмы не иссякала, и тогда мы точно добьемся результатов. Рок обещал мне славу и деньги, Тьма же сулила нечто загадочное и пугающее, как пропасть. Здравый ум, мой черный волк, голосовал за первое.

Я вышел на балкон. Город лежал под тяжелым одеялом тишины и мрачного неба. Окна в доме напротив были черны от происходящей за ними пустоты. Можно было только догадываться, есть ли там кто-то за этим окном, спит ли, занимается любовью, мучается от бессонницы. Но ничего не было видно – дом напротив казался полностью пустым. Пустовали и слабо освещенные улицы, и обманутый тишиной разум рисовал картины умершего мира, где только я последний оставшийся на Земле.

Я призрак, – подумал я, – бестелесный наблюдатель... – и следом, будто ожидая этого всю жизнь, родилась новая строчка: – Людской судьбы – их радостей, их бед...

Я даже не сделал попытки вернуться на кухню, взять блокнот, ручку, чтобы записать результат. Кубик Рубика слов, будто в руках гения, с феноменальной скоростью соединялся в готовые фразы, и они прирастали к предыдущей строчке.

Я – призрак, бестелесный наблюдатель

Людской судьбы: их радостей, их бед.

Я – лекарь, принудительный спасатель,

Отдушина, и просто – теплый плед...

Я – призрак... Не меня коснутся очи

Прекрасных дам: их страсти, их любовь...

Душа моя давно разбита в клочья,

Но нету силы склеить ее вновь.

Я – паж. Я вытру ваши беды,

Разлитые трясущейся рукой...

Я – призрак. Почему? – мне нет ответа.

Но только так во мне живет покой.

Корявым от спешки почерком я записал текст в блокнот и тут же ощутил удовлетворение. Не от того что работа была окончена, а потому, что некий внутренний груз был переложено на бумагу – пускай теперь она несет его.

Я лег в постель с надеждой хоть чуть-чуть поспать. Но стоило положить голову на подушку, как внезапно заревел будильник на телефоне. Выходной, на работу идти не надо, но репетиция начиналась уже через час. В общем, это и была задумка Алекса – пока у нас выходные, использовать каждую свободную минуту, начиная с раннего утра. Проклиная Алекса, я нехотя собрался и отправился в ДК.

– Ты где ночью шарahalся? – первым делом спросил Игорь, разглядывая мой потрепанный вид.

– На кухне, – сонно ответил я, заваливаясь на стул. Утренняя прохлада не только не выветрила сонливость, но и наоборот – контраст температуры улицы и теплого помещения вконец разморили. А теперь еще и Солнце просвечивало через открытые щели в жалюзи ранними лучами, резало и слепило глаза.

Дверь в комнату распахнулась, донеслась приглушенная музыка из наушников. Дима, пританцовывая под какой-то свой такт и смачно жуя жвачку, тасманским дьяволом из мультика впорхнул в обитель искусств и с ходу наполнил суетой спокойную утреннюю атмосферу.

– А кто это на вас такие кислые рожи надел? – с порога спросил Дима. – Я думал, щас приду, а тут мои пацаны тяжелухой балуются, аж побелка с потолка сыплется и стены содрогаются в экстазе. А под окном толпа сияющих телок автографы просят... Алекс! – вдруг запнулся Дима, его лицо приобрело страшное и удивленное выражение. – Алекс, ты чо?!..

Алекс оторвал взгляд от блокнота, над которым я провел всю ночь, недоумевающее уставился на Диму.

– Оззи Осборн порви твой баян! Алекс, ты чо творишь?! – Дима не прерывал посетивший его с самого утра словесный понос. – Алекс, зачем? Зачем ты разрушаешь мое мировоззрение? Зачем ты нарушаешь привычный мне порядок вещей? Зачем ты губишь мою судьбу?!

– Что не так?

– Ты нафига пришел вовремя? Ты что, не мог поспать до обеда, как все нормальные люди, а уже потом приходите на репетицию? Я тебя не ждал так рано, если честно. Теперь я даже не знаю, как мне поступить. Все планы на сегодня испорчены. – Комедия Димы перестала интересовать сонную команду, как не несущую в себе ничего смешного, а значит бесполезную. Басиста охладило равнодушие к своей персоне, он успокоился и принялся вынимать из чехла свою гитару, провода и примочки. Зато стоило отдать Диме должное – его приход окончательно разбудил всю команду.

– Не то, не то... – бормотал Алекс, изучая мои ночные труды. – Совсем не то. Ты можешь придумать какую-нибудь легенду, историю или что-то в таком духе? Лирика и философия сейчас мало кому интересны. Любой автомеханик Вася с двадцатипятилетним стажем тебе такую лирику и философию из своей жизни задвинет, что ты лопнешь от зависти. Как автор, я имею в виду. Если пишешь лирику, надо что-то такое... общедоступное. Неразделенная любовь, например. Черствость бюрократии, глупость системы. Или там... по маме скучаешь. Все это людям понятно. Лично твои переживания, поверь, им совершенно не нужны.

Последние слова меня крайне задели. Я целую ночь просидел над блокнотом, вылил на него свою душу, а ее отпихивают, как вшивого котенка. И тут же ворвалась мысль: а если бы и не отпихивали, а взяли брезгливо-заботливыми руками, изображающими сочувствие, то мне пришлось бы терпеть их жалость.

– Тебе нужно писать не то, что считаешь нужным, а то, что хотят от тебя услышать, – продолжал Алекс, словно угадав мои мысли. – Человеку очень льстит, когда он видит подтверждение своих взглядов на мир. Это называется когнитивным резонансом. Человеку нравится, когда кто-то воеет со сцены от боли неразделенной любви так же, как и он сам воеет внутри себя. Когда кто-то ругает власть так же, как и он. Даже когда завидует чужим банковским счетам, но тщательно маскирует зависть за отвращением. И льстецы попадают в круг доверия. Вот, что нам нужно, – попасть в круг доверия публики. Только тогда мы достигнем каких-то высот. Люди мыслят очень плоско, для них не существует понятия «между добром и злом». Как отличить добро от зла? Если кто-то действует в твоих интересах – он добрый. Если нет – он злой. Абсолютность добра и зла в понимании человека прямопропорциональна его эгоистичности: ты настолько хороший или плохой, насколько субъект твоих действий любит себя. Справедливо и обратное: любящий человек иногда кажется безразличным, так как ставит для себя приоритетом желание и волю объекта своей любви. Сам по себе человек нейтрален в этом отношении, окрас носят только постороннее суждение о нем. Но если ты нейтрален, то тебя как бы и нет: чтобы люди ощутили твою материальность, настоящесть, необходимо противопоставить их воле свою. Нужно столкнуться с чужой волей и давить, наращивать авторитет, весомость. Две воли сталкиваются и начинают мять друг друга, трансформировать, уживаться. Это клей всего общества. Если ты нейтрален, тебя не замечают. Ты не существуешь, с тобой

не считаются. Ты словно монах в горах Тибета – призрак. Ты слышал хоть раз о крестовом походе на буддистов? Я тоже нет. Все потому, что они неинтересны для оппозиции – живут где-то высоко в горах и поочередно исчезают из этого мира. А нам этого не надо. Поэтому для привлечения публики самое главное – не оставить ее равнодушной: ты либо зовешь за собой, либо объявляешь им всем войну. Короче говоря, людям нужно конкретное зло и конкретное добро: какой-нибудь Темный Властелин и Добрая Фея. И если Добрая Фея нужна для привлечения публики, то Темный Властелин необходим для создания забора вокруг твоей сцены – он вызывает злость, страх, отвращение. Ты вырастешь в глазах других людей, а твоя публика почувствует себя исключительной. Нельзя быть добрым со всеми, люди не ценят искреннюю доброту – ты стелешь им красную дорожку, а они либо не замечают согнутой фигуры перед собой, либо принимают тебя за личного раба, – в глазах Алекса вдруг промелькнула печальная тень каких-то воспоминаний. Затем он очнулся и поглядел на меня внимательным, двусмысленным взглядом. – Ты можешь не разделять эту точку зрения, но следовать ей обязан. Иначе вся наша затея бесполезна.

– И ты готов с этим смириться?

– С чем? – не понял Алекс.

– С тем, что занимаешься музыкой только ради бабла.

– Чем-то же надо зарабатывать, – пожал тот плечами. – Я понимаю, что ты сейчас думаешь, раньше и мной руководствовали подобные мысли. Тебе кажется, что искусство – это нечто сакральное, душевное, интимное, прекрасное... То, за что стыдно брать копеечку, ну, исключительно ради пропитания и погашения себестоимости культурного продукта. Такое может спороть только наивная учительница литературы в средней школе. Нет! Искусство – это развлечение! Оно им было, есть и будет! Любой знающий себе цену поэтишка торгуется за каждый свой стишок не хуже армянина на рынке. Потому что он все понимает. Искусство, вопреки всякому мнению, не способно вытащить из клоаки грехопадения: любой уважающий себя садист будет с еще большим наслаждением кромсать жертву изящным ножом в комнате, увешанной библейскими сюжетами да Винчи под органную музыку Баха. И от этого получит еще больше наслаждения. Музыка не меняет человека – она вынимает из глубины его души самые сокровенные чувства, будь то любовь или жестокость. Человек слушает музыку про себя, и от этого балдеет.

Я с интересом наблюдал за изменениями в мимике и интонации Алекса: когда разговор заходил о попсе и о деньгах, он обычно становился резким и агрессивным. Казалось, Алексу самому не нравилось то, что он говорил. Пылкость его речей выдавала какую-то внутреннюю борьбу.

– А ты думал о том, к чему все это может привести? – спросил я.

– К тому, что в конце концов мы заработаем денег и нам не придется влачить грязную рабскую жизнь. Мы все, – Алекс обвел студию широким жестом, – праправнуки древних гладиаторов, покупающие себе свободу.

– У кого?

– У общества, у закона. Человеку с деньгами плевать на мнение нищего населения, ведь оно уважает и завидует ему. Человеку с деньгами плевать на законы, ведь он может купить судью или нанять хорошего адвоката. Человеку с деньгами не надо работать на хозяина, терпеть его унижения, предавать свои интересы и ждать милости в виде кусочка зарплаты. Человек с деньгами может путешествовать где угодно и на чем угодно...

– Не ново, – хмыкнул я.

– Не ново, – согласился Алекс. – Но это единственный способ отделаться от кандалов. Можно еще уйти в буддисты, но это не по мне...

– А как насчет того, чтобы помочь другим сбросить кандалы? Повести людей за собой, раз уж ты так ненавидишь рабство.

Алекс усмехнулся:

– Я не претендую на роль Спартака в современном мире. Тем более его конец был не самым завидным. К тому же сами спасенные, освобожденные никогда не оценят твоих стараний. И надо ли это им вообще? Почему ты думаешь, что сделаешь для них доброе дело? Человек – это просто животное, которое почти не отвечает за свои действия. Человеку надо пожрать, потрахаться, доказать, что его новый смартфон круче соседского, и облегченно улечься под телек. В той или иной степени, конечно. Выход из этого замкнутого круга – сложные мысленные и волевые усилия, достойные героев. Запомни: мир катится по пути наименьшего сопротивления, и поэтому здесь все так, как есть.

– Вот пришел в свое время Иисус, – продолжил Алекс, когда я собрался было как-то возразить, – хотел добру научить, в итоге оказался на кресте и превращенным в персонажа пафосных слезоточивых историй. На этих историях впоследствии росли поколения борцов за справедливость и творили таких гадостей, что... Вот тебе и благодарность. Не говоря уже о том, что с тех пор бюрократия стала более совершенной – меня повяжут раньше, чем я успею крикнуть «Свобода!». Так чего рыпаться? И других подведу, и себя под нож подставлю. У нас ведь не кастовая система, бюрократия позволяет обрести свободу, но только самому, если ты докажешь, что достоин. Именно это мы и должны доказать.

– Выглядит цинично, – заметил я. – Вообще-то после нашего разговора по дороге в Ставрополь я зачислил тебя в анархисты. Я думал, власть в любом виде вызывает у тебя неприязнь, а ты согласен плясать под их дудку.

– Я не против руководящих органов, но управлять должны те, кому нечего терять.

– То есть, отчаянные сорвиголовы? – удивился я.

– Почти. Я говорю о тех, кто не станет при мысли о решении какой-то важной задачи думать в первую очередь о своей заднице: как поведут себя его счета в банке, удастся ли продолжить бизнес, на сколько упадет или вырастет в цене недвижимость, не захочется ли бандюганам вырезать всю его семью или сможет ли дорогой сынишка продолжать обучение в Оксфорде. Когда человеку нечего терять, в нем пробуждается мужество. А с мужеством просыпается ответственность. Когда ответственный, мужественный политик сталкивается с проблемой, больше вероятности того, что он с ней справится. А сейчас я вижу только жирных баб в кабинетах мэров и креслах губернаторов. Баба, ясное дело, будет тащить все попавшееся на работе добро к себе в дом. Она не может отвечать за свои слова и поступки, это прерогатива мужчины. Управлять должен лидер, хозяин, мужик. Но предполагаю, в том, что они бабы – это не их вина. Это вина их жен. Жены политиков ведут себя не как женщины, а как истеричные мужики – то есть дофига думают и много чего хотят. Это ломает все общество. Мужу надо пробираться в неизвестное Вперед и не задумываться о тыле – тыл прикрывает его жена. Поэтому политик должен быть либо женат на женственной жене, либо не иметь ничего, чего боялся бы потерять.

Я некоторое время обдумывал его слова, Алекс листал мой блокнот как будто в поисках подходящих текстов. На самом деле он тоже был озадачен своими словами и переваривал какие-то выводы.

– А для анархии общество еще не созрело, – вдруг заявил он.

– Не созрело для того, чтобы делать все, что ему заблагорассудится?

– Нет, общество еще не знает, чего оно хочет. Сейчас оно хочет того, что говорит ему телевизор. А телевизору нужны только деньги.

– Кто же тогда расскажет обществу, чего оно хочет на самом деле? – поинтересовался я.

– Не знаю. Может быть, в этом и состоит уловка – не рассказывать обществу ничего, чтобы оно само нашло то, что ищет. Я думаю, ему нужно хорошенько прогнать для начала, – выдал Алекс, – от верхушек до самых корней.

– Поможет?

– Наверно. Но люди нетерпеливы. Революция предлагает светлые времена прямо здесь и сейчас. Никто не хочет трудиться и ждать. А бюрократия настолько укоренилась не только в социально-творческо-экономической сфере, но и в сознании человечества, что попытка ее вырвать без анестезии погубит всю цивилизацию от болевого шока.

– Что это за анестезия? – заинтересовался я.

– Не знаю... – Алекс задумался. – Наверно, пропаганда.

Разговаривая с Алексом, я сожалел о том, что не мог проверить его слова у Тьмы. Сколько в них правды и можно ли ему верить? Ведь он выражает только свою точку зрения, а как дела обстоят в действительности?

Иногда во время беседы я мысленно задавал Ей вопросы в слабой надежде получить ответ. Но Та, как известно, молчала. Вернее, молчать Она не могла, Тьма открыта любому тянущемуся к Ней разуму, только вот различать Ее ответы среди нагромождения посторонних шумов я уже не мог. Я так же сожалел и о том, что в свое время не успел пообщаться с Ней на интересующие меня сегодня темы – в те времена, когда связь с Тьмой была еще прочна, меня занимали далекие от политики предметы. Да и те полученные знания, не найдя применения на практике, благополучно забылись.

– Эй, голубки, долго еще там в уголочке ворковать собираетесь? – донеслось до меня.

Увлеченный разговором, я совершенно забыл о других участниках коллектива, все это время занимавшихся творческим издевательством над инструментами. Гитаристы и барабанщик, видимо, только что вернулись с перекура и застали меня с Алексом все на то же между собойчике.

– Что-то мы и правда засиделись, – пробормотал Алекс, глядя на часы. – Скоро администрация приползет, а мы еще не пошумели толком.

Глава 8

Работа в магазине все больше раздражала меня. И даже не оттого, что коллегами на восемьдесят процентов являлись женщины, а это значит, что наш коллектив постоянно варился в бульоне зависти, сплетен, интриг и скандалов.

Меня бесили клиенты: капризные, высокомерные или не знающие чего хотят. Бесило начальство, потому что я отчего-то всегда чувствовал себя виноватым перед ними. Бесили коллеги, ибо принимали свою роль прислуги как должное. Казалось, им доставляло мазохистское удовольствие следовать за покупателями вдоль стеллажей с музыкальными и кинематографическими дисками, домогаясь к клиентам бестактными вопросами типа «вам помочь?» или «вы что-то конкретно ищете?», на что получали вполне справедливое «сам себе помоги».

Конечно, такая слежка за клиентом со стороны продавца-консультанта не всегда означает желание помочь или подсказать – работник магазина попросту шпионит, дабы хитрый покупатель не прихватил чего лишнего. Такое положение прислуги-надзирателя тоже порядком выводило из себя.

Не говоря уже о том, что в погоне за индивидуальной премией коллеги бросались на покупателя с жадностью нимфоманки, стремясь отбить друг у друга жертву своей страсти. Постоянному наблюдателю такая борьба, конечно, была неизвестна: в торговом зале всегда царила спокойная и дружелюбная атмосфера. Но по ту сторону прилавка грызня за клиентов не прекращалась – каждый продавец имел свою кассу и компьютер (то есть учетную запись в системе), где фиксировались пройденные через продавца платежи. С каждой проданного товара труженик прилавка получал процент.

С волками жить – по-волчьи выть, только на обглоданную кость я не был согласен. Я все глубже и настойчивей уходил в музыку, желая в один прекрасный момент оставить этот прогнивший изнутри магазинчик навсегда.

Вика уходила в прошлое все дальше. За последнее время я почти не вспоминал о Вике, а Судьба заботливо уберегала от встречи с ней. Случались вечера, когда Вика приходила ко мне из туманного небытия, оживляя затухающие с каждым днем воспоминания. Впрочем, за эти воспоминания я держался сильнее, чем за саму Вику – настоящую. Она стала *чужой*. Я не мог отделаться от соблазна нырнуть вновь, хоть и мысленно, в былые времена радости и прожить их еще разок. Но возвращение на поверхность настоящего всегда сопровождалось болью в груди – будто расплата за только что испытываемые радостные чувства.

Иногда я мечтал. Я представлял, как могла бы сложиться наша жизнь, будь мы сейчас вместе. Я представлял, что в будущем у нас появилась семья, ребенок. Мы проживаем вместе долгую и счастливую жизнь, нянчим внуков и любим друг друга до последнего дня... Но в какой-то момент мечты обрываются – меня выворачивает от мысли жить ролью семьянина. Я вижу себя рок-звездой, жаждущей, выпитывающей внимание и восхищение публики. Я упиваюсь своей значимостью, свободой, легко передвигаюсь по планете в любом направлении, не оглядываясь назад, и везде меня встречают и любят. И в этой альтернативе семья – неудобная помеха в приобретении независимости и счастья...

В конце концов я удалил с телефона и компьютера все фотографии Вики и нашу переписку, сменил SIM-карту, чтобы у нее было меньше поводов напоминать о себе. Правда, родители несколько раз сообщали, что она звонила и даже приходила ко мне домой. Эта новость вызвала лишь чувство торжества и даже злорадства – я надеялся, что с Антоном у них ничего не получилось и Вика поняла, кого она потеряла. Я попросил родителей ничего не говорить ей обо мне. Вика все еще любила меня, желала вернуть, а я стремился к жизни подальше от нее.

И еще в этот период меня стала одолевать паранойя. Впервые я ощутил ее, возвращаясь с репетиции поздно вечером. Меня не оставляло подозрение, что кто-то или что-то следует

по пятам: со стуком своих шагов я явственно слышал другие, но стоило остановиться, как посторонний стук прекращался.

И все бы ничего, возможно, это было просто эхо от моих шагов, однако присутствие – живое, почти осязаемое – не давало покоя. Это что-то двигалось позади меня то слева, то справа, то удалялось на такое расстояние, что я больше не мог его ощущать, то вновь приближалось и нависало над головой. Темнота ночного города, особенно в его слабоосвещенных участках, рисовала в моем сознании некое летающее чудовище в черном оборванном плаще. Чудовище парило в воздухе, старательно создавая впечатление, будто передвигается по асфальту, чтобы я резко огляделся в надежде обнаружить преследователя, а это чудовище успело скрыться на своих крыльях во мраке. Домой я добрался в тот день, запыхавшийся от бега и необъяснимого страха.

Затем паранойя поднялась до следующего уровня, более серьезного: я переходил зебру, как положено – на зеленый, и вдруг что-то дернуло сзади так, что я сел на задницу прямо посреди дороги. Не успел я обернуться, дабы выразить свое недовольство такой выходкой (знакомому или кто там решил пошутить) как передо мной пронеслась заниженная белая «семерка», звякнула стеклами от гроыхающего сабвуфера и умчалась в неизвестность, подмигнув карачаевской девяткой на номере.

Казалось бы, ничего удивительного в таком происшествии нет, особенно со стороны наших южных соседей, если бы в дальнейшем похожие инциденты не прописались в моей жизни.

Это был и вырвавшая поводок из рук хозяина овчарка, от которой я еле успел спрятаться за дверью какого-то гастронома. И надломившийся во время сильного ветра сухой сук дерева (к счастью, запутавшийся в ветвях, а потому упавший с некоторым опозданием). И советская акустическая система весом в сорок килограмм, висевшая в студии, где мы репетировали (старые рейки надломились и здоровенная колонка грохнулась прямо на меня, обошлось несколькими ушибами). Один раз во время грозы в меня едва не угодила молния.

Но излюбленными приемами у неведанных «заказчиков» были внезапно появляющиеся на дороге автомобили именно в тот момент, когда я пересекал проезжую часть, – такое случилось непозволительно часто. Наиболее впечатлительные тут же побежали бы к ясновидящим снимать порчу, потому как никакого другого объяснения, кроме «сглаза», трудно себе представить. Но я не питал иллюзий насчет данных специалистов, и объяснял себе все эти происшествия связью с Тьмой: я вообразил, будто Тьма, как истинная женщина, очень переживает от невозможности донести до меня свою мысль и закатывает истерику по этому поводу, стараясь разбить мне голову в надежде, что это как-то поможет. Такое объяснение поначалу казалось убедительным, но чуть позже я понял, что Она здесь совершенно не причем.

Дело в том, что я ощущал себя как бы под прицелом у снайпера, засевшего на крыше неподалеку. Он следил за мной и дома, и на улице, и на работе. И как только в его ментальном прицеле назревал подходящий случай, он чуть-чуть поправлял события в нужную сторону нажатием на спусковой крючок и внимательно следил: попадет снаряд или нет? Переменчивый ветер Судьбы до сих пор нарушал траекторию полета пули. Тогда мистический стрелок пробовал еще.

Я сделал два вывода: или снайпер – говно, или в его планы не входило мое уничтожение, а он стремился только припугнуть. Но с какой целью – этого мне сообщить забыли.

Во всей этой психологической и мистической кутерьме репетиции являлись настоящим спасительной бухтой, в которую я нырял охотно и самозабвенно.

Близился день записи, который мы ожидали как первоклассники первое сентября. Уже задолго до поездки в студию все выбранные для альбома композиции были постираны, тщательно выглажены, причесаны и пострижены. Кроме того, Алекс расставил треки по порядку, в котором их расположат на носителе. Алекс объяснял это тем, что полноценный альбом –

он как книга или фильм, в нем должны присутствовать вступление, кульминация и концовка. Вступлению необходимо быть ярким, бойким, – чтобы у публики возникло желание слушать дальше. Это должен быть какой-нибудь хит или тема, по мнению музыкантов, претендующая на него. Ближе к середине необходимо поставить что-то лирическое, мелодичное, чтобы позволить слушателю немного отдохнуть. Концовка должна быть слегка непонятной и почти такой же сильной, как вступление. Последней темой группа должна как бы прощаться со слушателем, но обязательно пообещать вернуться, чтобы возникло желание переслушать альбом заново. Идеальной концовкой, говорил Алекс, можно считать «Это все...» Юры Шевчука.

Шла очередная репетиция. Алекс делал какие-то наброски в тетради, прослушивая через телефон черновые записи наших песен, Сергей менял на гитаре струны. Игорь и Дима ушли в магазин за пироженками – Солнце перекаатилось на вторую половину неба, а мы просидели в ДК с самого утра. Послезавтра предстояла поездка в Ставрополь, играли мало, по большей части просто вносили последние корректировки, но аранжировкой у нас занимались в основном Алекс и Сергей, поэтому заняться мне было категорически нечем. А бездействие всегда вызывало во мне чувство бесконечной тоски.

Я сидел на подоконнике, наигрывая что-то бессвязное на акустической гитаре Сергея, и глядел в окно. В голове появлялись идеи для новых песен, но стоило взять блокнот и ручку, чтобы записать получившиеся рифы или стихи, как эти идеи успевали перетрансформироваться несколько раз и уйти далеко от исходной точки. Голова работала быстрее, чем я успевал материализовать свои мысли. Я отложил блокнот и на некоторое время отдалился от реальности, наигрывая какую-то мелодию.

– Ты опять придумал новую песню? – раздался возле самого уха голос Димы.

Я открыл глаза – Дима стоял передо мной, его лицо изображало святого мученика. Игорь все еще постукивал по тарелкам в такт моей мелодии, Сергей внимательно жевал пирожок, Алекс отложил свои записки и тоже глядел на меня.

Я почему-то сконфузился и начал оправдываться:

– Не придумывал я ничего, просто на ум пришла чья-то песня.

– Смотри – засмутился, – оскалился Дима.

– Кто исполняет? – поинтересовался Алекс.

Я задумался. Действительно, ни автора, ни названия невозможно было вспомнить.

– Что-то ты странный в последнее время стал, – озабочено проговорил Дима. – Тебя, походу, в тот раз колонкой здорово прибило.

– Что значит – странный?

– Ну, ты куда-то пропадаешь, – протянул Дима. – Стал молчаливым. Вот, например: мы вчетвером стоим в том конце студии, играем, я ищу тебя глазами, но нигде не нахожу. Потом ты начинаешь что-то говорить, и только тут я понимаю, что ты стоишь рядом.

Я хотел было уже податься в какие-то разъяснения, как Дима меня перебил:

– У тебя надо по десять раз спрашивать, чтобы до тебя дошло, что к тебе обращаются. А отвечаешь только одними отговорками: не знаю, не помню, не видел...

– Это мои заботы, – немного резко сказал я.

– Твои-то – понятно. Но ты нас не слушаешь, мы тебя не видим. Ты не присутствуешь. Я не упрекаю тебя, но нам важно знать, что творится в твоей креативной башке. Мы все здесь заинтересованы в том, чтобы команда оставалась командой, а не группой собирающихся два раза в неделю лиц. А твое поведение больше не напоминает обманутого любовью романтика, понимаешь? Если у тебя есть проблемы, попробуй рассказать о них, мы поможем. Никто не будет в восторге, если однажды ты разобьешь себе голову, выпрыгнув из окна.

Последние слова Димы меня возмутили.

– По-твоему, я суицидник?

– А как тебя еще назвать? Ты же буквально под колеса бросаешься на дорогах.

– Они на красный едут, – слабо возразил я.

– Одни идиоты на красный прут, другой делает вид, будто ничего не замечает. Ты себя застраховал, что ли?

Я молча оглядел всю команду – те внимательно наблюдали за мной. Кажется, все были солидарны с Димой. Рассказать им? Не поймут и не поверят. К тому же я и сам не верил до конца своим мыслям. Вдруг я действительно схожу с ума? Признание своего психического расстройства – уже половина лечения. Но какую борьбу для этого нужно было выиграть у себя самого! Ведь необходимо будет признать, что твое восприятие мира обманчиво, а у человека нет ничего ценней этого.

– Со своими проблемами я сам разберусь, – буркнул я, откладывая гитару в сторону, и направился к выходу. В спину мне летели то ли упреки, то ли просьбы, но те и другие были мне совершенно безразличны. Я не собирался ни перед кем оправдываться.

Жаркое июльское Солнце все еще кипятило атмосферу города, заставляя прятаться в тени домов и деревьев. На открытом пространстве падающий с небес поток света вполне был способен вбить в землю гвоздь. Горожане глотали пыльный воздух и с нетерпением ждали наступления осени. Впрочем, люди уже настолько обнаглели, что считают своим долгом критиковать любую погоду, если она не вписывается в их планы на выходные.

Идти домой не было никакого желания, я блуждал по дворам, занятый переоценкой жизненной полки, на которую угодил, но чем больше я про нее думал, тем меньше интереса к этой самой жизни проявлял. Может, так и просыпаются суицидальные наклонности? Может быть, Дима прав? Может быть, это не машины летят прямо на меня, а я сам прыгаю под колеса?.. Каким соблазнительным было желание сдаться и довериться многовековому опыту психотерапии!

Тьма, что ты сделала со мной?

Как только я это подумал, чувство опасности забило тревогу. Я обернулся вокруг своей оси, будто ожидая увидеть за деревом какого-нибудь киллера в плаще и широкополой шляпе с «макаром», нацеленным мне в сердце. Двор оказался пустым, за исключением нескольких пацанов, играющих в футболистов на площадке. Невидимая угроза пряталась где-то в подъездах, за машинами на стоянках, в кроне деревьев, за поворотом – в общем, из любых, не достигаемых взору мест. Нужно было найти открытое пространство. Я понимал, что чувство безопасности посетит меня только дома, но и это будет просто чувством. В идеале необходимо было убраться подальше от людей и предметов.

Очень скорым шагом я направлялся в сторону Кубани. Впереди, под высокой набережной, шумела река. Мягкий ветер касался верхушек травы, создавая иллюзию чьего-то присутствия в зарослях. Справа, в полукилометре от меня, виднелся мост с рядом аккуратных розовых домиков с красными крышами. Там находилась плотина. Я понял, что идти необходимо именно к ней.

Тишина, создаваемая отсутствием каких-либо городских звуков, вызывала доверие. Чувство тревоги угасало. Я уперся руками в перила и смотрел, как вода по ту сторону гидротехнического сооружения бурным потоком растекается по оскудевшему руслу. Недалеко загорелые рыбаки махали удочками на каменистых островках.

Где-то в небе громыхнуло. Я принял громкий хлопок за выстрел и автоматически присел на корточки, желая спрятаться. Только через несколько секунд до меня дошло, что выстрел звучит как-то иначе, а этот хлопок был рожден истребителем, перешедшим на сверхзвук где-то высоко в небе. Такое бывает в наших краях – граница недалеко. Однако подниматься на ноги я не спешил: внимание привлекла приросшая к моим ногам темно-серая тень. Причину следующих своих действий я не могу назвать – все произошло как-то бездумно.

Сидя на корточках, я широко расставил руки, уперся ими в асфальт, покрывавший дорогу плотины, будто собирался сделать несколько отжиманий на свежем воздухе. Горячее

от солнца дорожное покрытие показалось мягким шершавым желе. Я чуть надавил, и руки по запястья погрузились в эту субстанцию. Еще небольшое усилие – и я по локти утонул в асфальте, с виду остававшемся твердым как камень. На секунду в голове пролетела мысль о том, что если просунуть руки дальше, то, возможно, они вылезут где-то под мостом. Но вместо этого я сделал глубокий вдох (а вдруг провалюсь в реку?), закрыл глаза и нырнул в серое пятно тени.

Чувство было точно такое же, как при прыжке в воду: сначала я погрузился в нее, сделал кувырок, затем меня стало выталкивать на поверхность – я вынырнул. То место, куда я вынырнул, не было похожем ни на Кубань, ни на плотину – в их привычном виде. Это было даже не место, а места. В том плане, что там не было привычной трехмерности – я видел предметы сразу с нескольких сторон и изнутри одновременно. Несколько первых секунд кружилась голова, я не понимал, стою я, лежу, плыву или повис в воздухе. Мир поместили в большой лотерейный барабан, провернули его, и теперь некоторое время приходилось ждать окончания вращения, чтобы все это улеглось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.